

Б И Б Л И О Т Е К А

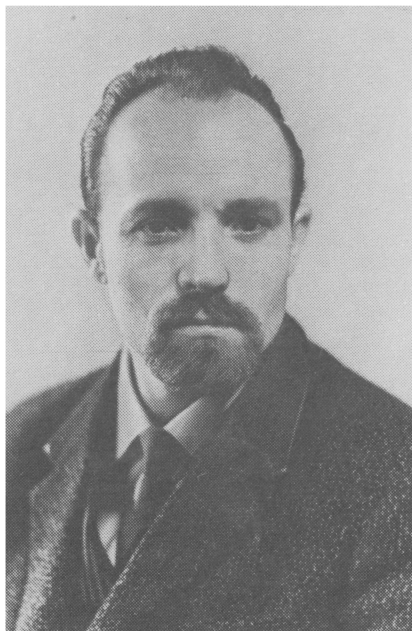
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 15

1989

Юрий ЛУШИН

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

НЕУДОБНЫЙ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 15

Издается с января 1925 года

Юрий ЛУШИН

НЕУДОБНЫЙ

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Юрий ЛУШИН

Лушин Юрий Васильевич родился в 1939 году в г. Алма-Ате. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. С 1967 года работает в «Огоньке». Выполнял специальные задания журнала в командировках на Крайний Север, Дальний Восток, в республики Средней Азии, во многие зарубежные страны. Лауреат премии «Огонька». В настоящее время работает собственным корреспондентом журнала по Казахстану.

Лушин Ю. В. — член КПСС, член Союза журналистов.

ГОЛУБАЯ ПЛАНЕТА ДАНИЛОВА

Обычно, не зная точного адреса, ему пишут просто: «Алма-Ата, Данилову А. С.» И не было еще случая, чтобы письмо не нашло адресата. Ему пишут рабочие и ученые, литературоведы и специалисты точных наук, космонавты, академики и школьники. Каким-то образом о нем знают в Ленинграде и Владивостоке, Чите и Свердловске, Воркуте и Кушке... А действительно: каким образом и кто он такой, этот Данилов А. С.? Герой, совершивший подвиг? Мореплаватель, нанесший на карту неизвестный материк? Путешественник, проложивший маршрут в неведомых дебрях? Да, в известном смысле это все о нем, в смысле переносном. А вообще-то Александр Сергеевич Данилов — пенсионер, но я не знаю другого пенсионера, который бы работал столь же много и продуктивно, как он...

* * *

За последние три года он получил более одиннадцати тысяч писем и на семь тысяч ответил. Между прочим, это нелегко даже по причине весьма прозаической: ведь нужно было на собственную пенсию купить и отправить семь тысяч конвертов. Он купил и отправил. Просмотрим же с любезного согласия Александра Сергеевича и с его краткими комментариями лишь некоторые из них. Начнем с письма из Ленинграда от доктора искусствоведения О. В. Неверова, старшего научного сотрудника Эрмитажа. На нескольких страницах перечислены 48 малоизвестных русских художников, чьи картины хранятся в известнейшем всему миру музее. Нет ли у Данилова более подробных сведений об этих художниках? — венчал это перечисление вопрос.

— Как нет? Есть, конечно, — ответил Данилов, — но, к сожалению, не обо всех, а только о половине, хотя, возможно, и остальные отыщутся с течением времени.

Из Воронежа написал В. К. Кравченко: «Помогите. Мне необходимо знать библиографические источники и биографию математика А. П. Киселева, автора учебников. Пишу о нем книгу...».

— Я сам учился по этому Киселеву, разумеется, знаю о нем давно, поэтому отправил в Воронеж двенадцать библиографических источников,— прокомментировал Александр Сергеевич.— Кстати, чтобы найти их, потребовалось ровно три минуты.

Из Джамбула спрашивает Булат Козбаков: «Я преподаватель технологического института, занимаюсь историей науки и техники, в том числе историей кузнечно-прессовых машин. Хотелось бы получить от вас сведения о жизни и деятельности английского инженера и астронома Джеймса Несмита, изобретателя парового молота».

— Вот с ним я знаком лично. Что? Нет, с Булатом Козбаковичем, разумеется. Он в гостях у меня был, потом я у него в Джамбуле. Какими судьбами? Лекции меня пригласило читать общество «Знание». Да, а Козбакову я восемнадцать книг по Несмиту подсказал. Зато и он меня выручил, связал с музеем паровых молотов в Подмоскowie, откуда я получил такие редкие сведения, которые не знаю, где бы еще нашел. Великое дело взаимовыручка.

Еще письмо: «Обращаются к вам ученики 9-го класса средней школы № 7 г. Павлограда Днепропетровской области. Мы пишем историю своего родного города, ему исполнилось двести лет, знакомимся с биографиями знаменитых людей, которые в нем родились, жили и работали. Так, мы узнали, что в Павлограде родился и вырос выдающийся советский конструктор танков Котин Жозеф Яковлевич. Но нам мало сведений из энциклопедии. Александр Сергеевич, может быть, вы еще что-то про Котина подскажете и про других знаменитых людей нашего города?»

— Школьникам всегда отвечаю. Ведь замечательное дело ребятишки делают. Сообщил им кое-что и о Котине и еще о четверых павлоградцах. Надо знать свою историю, надо помнить...

Пишет из Харькова Л. Г. Фридман, литературовед: «Не поделитесь ли вы со мной сведениями о поэте Ардове?»

— Вопросец, скажу я вам. Во-первых, Ардов — это псевдоним (настоящая фамилия Тардов Владимир Геннадиевич). Во-вторых, он издал единственный в жизни сборник «Вечерний свет» в одна тысяча девятьсот седьмом году. Тем не менее два источника о нем у меня нашлись.

Письмо из Абакана Хакасской автономной области от Б. Хавратовича, кандидата исторических наук: «...вновь обращаюсь к вам с просьбой. Есть ли у вас что-нибудь из биографических данных на Александра Васильевича Игумнова?»

— Нашлось, конечно. Это деятель просвещения восемнадцатого века в Бурятии, похоронен в Чите, в которой существует прекрасный архив. Я удивился: ведь Чита гораздо ближе к Абакану, чем Алма-Ата. Почему он туда не обратился? Оказывается, обращался даже дважды, но ответа не получил...

Из города Раменское Московской области от А. Ф. Егорова: «Я журналист, участник Великой Отечественной войны. Немолод, мне уже 65

лет. По заданию Политиздата принимаю участие в подготовке к печати сборника «Комиссары на линии огня (1918—1922 гг.)». В мою задачу входит написать очерк о комиссаре Керкиже Куприяне Осиповиче. Надеюсь на вашу помощь в поисках материалов о нем».

— Между прочим, этого комиссара нет ни в БСЭ, ни в Военной энциклопедии. А я через три минуты выписываю на отдельный листок: Керкиж К. О. Родился 29 сентября 1886 года в деревне Большие Смоленцы Витебской губернии, погиб в автокатастрофе 24 мая 1932 года в Москве. И еще сообщаю пять источников, из которых многое можно узнать о комиссаре. Пять!

Снова письмо из Ленинграда (кстати, оттуда писем больше всего) от профессора-литературоведа М. А. Любавина: «Нет ли у вас сведений о подполковнике Суздальского пехотного полка, 1764 год, Якове Ивановиче Трусове?»

— Чем же заинтересовал профессора этот Трусов? Он, оказывается, всего-навсего первым перевел на русский «Робинзона Крузо» еще двести с лишним лет тому назад. И два века никому не был нужен. Профессор наткнулся на его фамилию в какой-то старинной газете, потом копал архивы еще шесть или семь лет и нашел еще одну публикацию в журнале. Мало. Захотелось больше... В тот же день я послал ему ответ и шесть библиографических источников о Трусове. Теперь Любавин пишет о нем книгу.

* * *

— Подобных писем у меня вон сколько,— сказал Данилов,— до утра можно читать. Но в принципе, надеюсь, вам и так все ясно.

— Ясно?— удивился я.— Как раз наоборот. Вам задают невероятные вопросы о людях разных эпох, и у вас находятся на них ответы (каких часто не получить ни в библиотеках, ни в архивах), да еще за три минуты. Просто мистика.

— Нет никакой мистики, просто труд...

* * *

— Позвольте теперь мне задать вам один вопрос?— попросил со старомодной грацией Данилов.— Сколько книг, по-вашему, может прочесть человек за свою жизнь? Или за какой-то большой период времени, допустим, за сорок лет (извините, люблю круглые цифры)?

— Не знаю, не задумывался.

— И никто не знает. Нам даже неизвестно, сколько книг прочитал Ленин, хотя одно несомненно— очень много.

— Это важно?

— По-моему, очень. Я знаю только одного человека, которому точ-

но известно, сколько книг он прочитал за свою жизнь. И назову вам точную цифру, только немного позже.

«Почему не сразу?» — подумал я, но ничего не сказал.

* * *

Смотрю на его руки с глубоко вьевающимися в кожу угольными точками, руки шахтера. Им знакомо еще и ремесло бурильщика, взрывника, бетонщика, плотника, кочегара, золотоискателя и... дипломированного фельдшера. Однажды с ним такой случай произошел. Жил тогда Данилов с женой в Магаданской области, в крохотном поселочке Рыбный (дети, две дочери и сын, к тому времени повзрослели, обзавелись собственными семьями). Из окна его дома виднелся путевой столб с двумя стрелками, на одной из которых значилось: «Магадан — 499 км», а на другой: «Якутск — 566 км». По здешним меркам неподалеку (и сотни километров не наберется) строилась на реке Колыме Синегорская ГЭС, чуть дальше лежал полюс холода — Оймякон, а уже далеко за ним (даже по здешним меркам) — самый натуральный Северный полюс. С остальным миром, с Большой землей, как здесь говорили, его связывали книги, которые он еженедельно ездил обменивать в библиотеку райцентра Ягодное на рейсовом автобусе. Набивал книгами рюкзак и внушительных размеров чемодан и ехал, приводя в легкую панику библиотекаря. (Она все никак не могла поверить, что можно такую уйму книг прочитать за неделю. Она не предполагала, что Данилов успевал не только прочитать их, но и сделать нужные ему выписки)... Та суббота начиналась обыденно. Привычно жарил колымский мороз за сорок, привычно запаздывал рейсовый автобус. Но когда он наконец подкатил, Данилову повезло: отыскалось в хвосте теплое местечко... Автобус мягко покачивало, сквозь двойные, насквозь промороженные стекла пробивался матовый полусвет, и оттого мнилось, что они не едут, а словно бы плывут. Он задремал, и почти сразу же, так ему показалось, разбудил его дикий женский вскрик.

— Что это? — встрепенулся он и, взглянув на часы, понял, что миновали по крайней мере половину пути. Автобус почему-то стоял.

— Да баба какая-то рождает, тоже нашла место, — равнодушно пояснил детина, известный в поселке под прозвищем Молоток, — ты спи, Философ, обойдется без нас. — Но Данилов уже протискивался к середине салона, где сгрудились женщины.

— Туда нельзя, — преградили они ему путь.

— Мне можно, я фельдшер. Лучше поищите нитки и одеколон...

Сбросив полушубок и пиджак, он остался в свитере, рукава которого закатал по локоть. Женщина снова закричала, и он, чувствуя, что надо поторопиться, попросил пассажиров приготовить теплые вещи, чтобы принять в них ребенка. Потом, раскрыв перочинный нож, облил его лезвие и руки какими-то духами (одеколону не нашлось) и попросил

всех отойти подальше. Нитки, разумеется, были не стерильными, самыми обычными, и он с расчетом обрезал пуповину чуть выше положенного. В больнице эту несложную операцию повторяют и зашивают как надо, подумал он... Через час автобус катил дальше, и теперь в нем было на одного человека больше.

— Порядок? — почему-то шепотом спросил детина.

— Мальчишка родился, килограмма на четыре.

— А ты, Философ, настоящий молоток, скажи, как фельдшером стал?

— Из-за книг, — коротко ответил Данилов.

* * *

Некоторое время спустя он узнал, что того мальчишку нарекли Сашей.

— Наверное, в вашу честь?

— Думаю, что это простое совпадение.

* * *

Однажды он получил письмо из Рязанской области, от старушки пенсионерки. Та писала, что в последнее время очень болеет, что врач советовал лечиться облепиховым маслом, но его в рязанских краях недостать. Тогда он отправился на алма-атинский рынок, купил за свои деньги масло и отослал старушке. В ответ получил прекрасное письмо, через месяц второе: «Александр Сергеевич, а я ведь поправилась».

— Замечательно, — сказал он, — только мне-то вот кажется: не от масла ведь она выздоровела, а от простого человеческого участия.

«Многие ли из нас способны проявить такое участие?» — подумал я.

* * *

На прииске ему дали прозвище — Философ.

— По какой причине? — спросил я.

— Из-за книг...

Когда кончался рабочий день (а там он длился от восхода до заката, поскольку работа на промывке золота сезонная, нужно спешить, и здоровенные мужики, как подрубленные, валились спать), Данилов доставал пачку книг, намазывался антикомарином и при свете керосиновой лампы читал до двух ночи, что-то выписывая время от времени на карточки. Звенели комары, лишь подчеркивая первобытную тишину ночи, в которой происходили у него удивительные встречи с героями и злодеями, известными всему миру гениями и забытыми изобретателями, художниками, писателями, в общем, с людьми, оставившими какой-то след в истории. С удивлением он узнавал, что композитор Бородин, автор оперы

«Князь Игорь», на самом деле был талантливым химиком, а музыка была лишь его увлечением... Или вдруг открывал, что легендарный герой гражданской войны маршал Михаил Тухачевский еще и книги писал, и превосходные скрипки делал (четыре сохранившиеся ценятся сейчас не меньше, чем скрипки Страдивари)... И он выписывал известные и забытые имена на карточки, располагая их в алфавитном порядке, и даты рождения и смерти (даже ее причину, если она известна), и библиографические источники (книги, журналы, газеты с полными выходными данными), в которых они хоть как-то упоминались.

— Слышь, Философ, зачем тебе все это? — спрашивали его, кто с недоумением, кто с явным состраданием. Он понимал, что выглядит в их глазах чудачком («Называли меня и похлестче», — как-то сознался он), но звание это не тяготило его, он им даже гордился, помня слова Горького о том, что чудачки украшают мир.

* * *

Читать его научили родители в четыре года. «На свою же голову, — шутил он впоследствии, — поскольку стал я несносным почемучкой, измучил своими «почему» сначала их, потом учителей и библиотекарей». Жили они тогда во Владивостоке, в квартире с большой библиотекой, в которой книги по почвоведению и ботанике (родители были учеными, специалистами в этой области) соседствовали с популярной, биографической и художественной литературой. Ему разрешалось брать любую из книг. Еще важнее было другое: тогда же у него стала составляться собственная библиотека. Сохранились четыре тетради школьной поры, на обложках которых я прочитал: «Каталог книг ученика 6-го класса Саши Данилова». Таким образом, точно известно, что в личной библиотеке шестиклассника находилось 787 книг, все читанные, а иные неоднократно. Полистав каталог, я подивился обилию научно-популярной литературы (безусловно, заслуга родителей). В нем значились шесть томов «Жизни животных» Брэма, «Занимательная минералогия» Ферсмана, «Занимательная астрономия» Фламариона, «История локомотива», «Занимательная физика» Перельмана и многое другое. Разумеется, тут же и Пушкин, Гоголь, Некрасов, Лермонтов, Герцен, Толстой... Причем каталог составлен по всем правилам библиографии. Однако больше всего меня поразило то, что школьник записал в отдельную тетрадь краткое содержание всех прочитанных им книг, всех без исключения.

— Тут дело вот в чем, — пояснил Александр Сергеевич, — читал я всегда много и быстро, но вот на каком-то этапе вдруг понял: чем больше читаю, тем больше забывается, хотя на память свою не жалуюсь и сейчас. Это неприятное открытие как-то больно задело меня, даже обидело. Я стал искать выход и нашел его. Прочтешь краткое изложение, и вся книга вспоминается, даже мелкие детали...

Составив каталог собственных книг, Данилов вдруг понял, что совершает ошибку. Ведь читал он не только свои, а еще и библиотечные книги (был записан сразу в трех библиотеках Владивостока). И тогда день тот он на всю жизнь запомнил, 20 октября 1942 года — четырнадцатилетний подросток торжественно поклялся перед своими товарищами, что отныне и до гробовой доски он будет любую прочитанную им книгу заносить в свой каталог.

— Минуты десятки лет, но детская клятва нерушима до сих пор, и сейчас, как и обещал, я назову точную цифру прочитанных за это время книг — двадцать четыре тысячи сто семь (это не считая журналов и газет), но завтра она, естественно, увеличится...

— Почему возникла необходимость в клятве? — спросил я.

— Ребятня вера во все чудесное, как писал Герцен, наверное, она, — ответил Александр Сергеевич. — Как раз перед этим я прочитал «Былое и думы», многое меня поразило в той книге, и, конечно, клятва Герцена и Огарева на Воробьевых горах.

Давая свою клятву, Данилов не предполагал, во что выльется его увлечение, начинавшееся почти как игра.

* * *

— Есть ли у вас жизненный девиз? — как-то спросил я его.

— Ни дня без книги! — ответил Данилов. — У меня даже плакат такой висел многие годы, самодельный, потом надобность в нем отпала.

* * *

Читал он всегда очень много, но не это главное. Важнее то, как он читал. Ему нравилась художественная литература, но, может быть, еще больше его увлекали не придуманные писателями герои, а судьбы самих писателей и разных других реально существовавших исторических личностей. Так, школьник Данилов собрал к 1942 году толстенную папку материалов о Спартаке, а рядом легла пока совсем тоненькая об Александре Матросове. И его современник, своей грудью закрывший пулемет, чтобы он, Данилов, и тысячи его сверстников могли спокойно читать книги, интересовал его не меньше, чем знаменитый древнеримский гладиатор. Кто он, этот Саша Матросов? Где жил? Чем увлекался? О чем мечтал? Мог ли стать Спартаком, если бы жил в Древнем Риме? И, с другой стороны, смог бы Спартак так же самоотверженно броситься на пулемет? Ему хотелось знать и о том, и о другом все, вплоть до мельчайших подробностей. Образы столь непохожих друг на друга героев так увлекли его, что он решил писать их биографии. И если бы только эти две... К тому времени в свою картотеку замечательных личностей он занес около тысячи фамилий разных людей, о которых он также хотел знать как можно больше. Все свободное время он прово-

дил в библиотеках, раскапывая в книгах сведения о Рамзесе Втором и Миклухо-Маклае, Чаадаеве и Эйнштейне, о няне Пушкина и, конечно, о нем самом, о Пржевальском, Жюле Верне, Андрее Рублеве и о... тысяче других. «Боже мой, как же много хороших, талантливых людей жило и живет на нашей голубой планете, — с восторгом думал он, — но как же все-таки мало и далеко не обо всех мы знаем!» И не мог побороть искушения и не пополнить свою картотеку каким-то новым именем, встреченным при поиске тех, кто был уже как-то известен ему. Не успел он оглянуться, как его тысяча удвоилась, потом утроилась... Это было как наваждение. И понял Саша Данилов, что если возьмется писать биографии всех, то жизни его на это не хватит. Однако остановиться в своем поиске он уже не мог и знал, что никогда не остановится.

* * *

— Вы, конечно, знаете, как звали няню Пушкина? — спросил меня Данилов. — Вы правы, это любому школьнику известно — Арина Родионовна. А ее фамилия? А из какого она роду-племени? Где родилась? Где похоронена и в каком возрасте? Еще мальчишкой задавал я эти вопросы учителям, в библиотеках интересовался. Никто не мог ответить. Тогда я взял чистый лист ватмана, расчертил на квадраты, в каждом из которых поставил интересовавший меня вопрос о няне Пушкина. Лист повесил на стену, сказав себе: «Не сниму его до тех пор, пока не впишу все ответы». Так вот последний квадрат я заполнил спустя... двадцать два года. Выяснилось, что фамилия няни Матвеева, но это по мужу, а в девичестве была она Яковлевой... Разумеется, эти данные были известны и раньше, но скрывались под гималаями книг, журналов, газет. И поиск-то велся вслепую, как ведут его наугад и поныне десятки тысяч людей, приходящих каждое утро в библиотечные залы. Представляете, сколько времени теряется? Ведь можно месяцами и даже годами искать какую-то фамилию, если она не значится в энциклопедиях, если об этом человеке не написана монография. И вот когда я понял, что с составлением биографий мне не справиться, я решил собрать в единый каталог библиографические сведения о всех живущих или живших на земле людях, о всех без исключения, если они оставили какой-то след... Пусть это будет писатель, написавший в жизни лишь единственную книгу, даже давно забытую. Пусть это будет изобретатель, изобретение которого было актуально лет сто или двести тому назад, а потом потеряло всякий смысл. Пусть это будет художник, картины которого когда-то волновали сердца масс, а ныне интересны только искусствоведам. Ну и что? Пусть и эти имена с кратчайшими сведениями об их жизни войдут в каталог, но пусть там же будет указано, что дополнительные сведения о них можно найти, допустим, еще в трех таких-то книгах, пяти журналах и десятке газет...

Поняв, какую пользу может принести осуществление его идеи, он дал зимой 1943 года новую клятву: до конца жиз-

ни не прекращать работу и над этим каталогом, которому впоследствии дал название — Биобиблиографический словарь «Люди голубой планеты».

* * *

На пенсию Данилов вышел в 50 лет, заслужив это право многолетним трудом в шахтах Кузбасса и на золотых приисках Колымы. Впрочем, трудовую свою деятельность он начал в качестве фельдшера, диплом которого получил после окончания с отличием медицинского училища в Благовещенске (где жил в общежитии совершенно самостоятельно, поскольку родители отправились в длительную научную экспедицию и с собой взять сына не могли). Училище он выбрал сам по причине, которая могла показаться кому-то даже несерьезной. Просто незадолго до того он прочел книгу Сеченова «Рефлексы головного мозга». Прочел, ничего не понял и дал себе слово, что станет медиком, чтобы понять Сеченова. Именно в Благовещенске он начал составление своего словаря, но, кстати, только после того, как убедился, что такового в природе не существует. (Долгое время он думал, что рядовые библиотекари просто, как говорится, не в курсе, и записался поэтому на прием к директору областной библиотеки, накинув к своему юному возрасту пару лет для солидности. Однако был разочарован, услышав и от директора, что подобного словаря нет ни в Москве, ни в Ленинграде, ни в Париже или Лондоне — словом, нигде). Примерно через год у него уже скопилось десять тысяч карточек с фамилиями людей разных эпох, стран и профессий. От коробок с ними деваться стало некуда, и Данилов понял, что если и дальше так дело пойдет, ему потребуется многоэтажный особняк для хранения материалов... Выход обнаружился как бы сам собой, простой и эффективный. Друзья подарили ему в день рождения сто общих тетрадей (подарок для тех военных лет, между прочим, королевский). Он спил их по десять штук, разлиновал на графы, и все десять тысяч карточек уместились в эти тетради.

Переписка заняла порядочное время, но поиск новых интересных личностей при этом не прекращался, шел параллельно. И когда он заполнял последнюю графу в последней тетради, его ждали уже 12 тысяч новых фамилий, занесенных на новые карточки. Находился он тогда уже далеко от Благовещенска, под Новосибирском, где работал фельдшером в деревеньке Гусиный Брод (теперь это огромный жилой массив Новосибирска). Ничего не оставалось делать, как объединив оба списка, переписать все заново — на сей раз в толстые амбарные книги (а не перепишешь, то в поисках нужных данных запутаешься). Впрочем, история повторилась. Только теперь, после новой переписи, его ждали уже тридцать тысяч фамилий, а в очередной раз все семьдесят тысяч... Но ничего не могло помешать рождению уникального словаря: ни женитьба, ни появление детей, ни болезнь, ни переезды семьи то в глухой

поселок дальнего Сузунского района, то в Кузбасс, то в Магаданскую область...

Приезжая в новое место, он немедленно записывался в две, три библиотеки одновременно и знакомился с местными книголюбями. И всегда как-то везло ему на встречи с умными, талантливыми, неординарными людьми, словно исходило от него к ним некое волшебное поле притяжения.

— Особенно повезло мне в Новосибирске, — рассказывал Александр Сергеевич. — Работал главным библиографом в тамошней областной библиотеке в те послевоенные годы Лев Еруфимович Левинсон, вечная ему память. Он как-то с полуслова меня понял, одобрил мое увлечение и всячески мне помогал. От него я впервые услышал, что в Пушкинском доме в Ленинграде хранятся архивы известных ученых, профессоров Венгерова и Модзалевского, которые составляли картотеки биографий различных деятелей России вплоть до 1916 года. С тех пор я заболел мечтой: как бы взглянуть на их архивы... Но пока надо было думать о другом. Уезжал я с женой в самый глухой район области, где не было в то время ни электричества, ни библиотеки, и потому работа над словарем оказалась под угрозой. При прощании рассказал об этом Левинсону и не мог удержаться слез.

— Нечего нюни распускать, держись мужчиной, — сказал он, — откроем для тебя межбиблиотечный абонемент. Будешь высылать нам заявки, а мы тебе — книги, которые ты по прочтении возвратишь в целости и сохранности. Договорились?

Так все и было вплоть до переезда Данилова в Алма-Ату. Где бы он ни находился, он ежемесячно получал полтора, два десятка посылок с книгами. Левинсона давно в живых не было, а книги находили его, куда бы он ни уезжал.

— Когда же вы читали? — спросил я.

— Сутки растягивал, — пошутил Данилов, потом признался: — Ежедневно с восьми вечера до двух ночи, в праздники и выходные, естественно, побольше. Кстати, и сейчас, выйдя на пенсию, придерживаюсь того же режима.

* * *

— Интересно, Александр Сергеевич, как вы поступаете с разного рода злодеями, гениями зла, так сказать? — спросил я.

— Извините, но точно так же, как с гениями добра, талантами и полезными человечеству людьми, — заносу их в свой словарь в алфавитном порядке. Разве не должны мы знать своих врагов, хотя бы для того, чтобы уметь с ними бороться, чтобы противостоять злу?

* * *

— Напрасно вы за это дело взялись, — сказал Данилову при встрече с ним в Ленинграде академик Д. С. Лихачев, — вам же придется занести в картотеку миллионы людей. Это немыслимо.

— О каких миллионах вы говорите, Дмитрий Сергеевич, — возразил академику Данилов, — за сорок пять лет поисков мне не удалось набрать и четырех тысяч тех, кого мы относим к рангу гениев, и менее двадцати тысяч крупных талантов, остальные сто пятьдесят тысяч более или менее способные люди. Всего, значит, собрано в словаре почти сто семьдесят две тысячи персоналий. И дай бог до конца жизни мне добраться до трехсот тысяч...

— Обидно, — задумчиво сказал академик.

А я подумал вот о чем: с чем сравнить работу Данилова? В последнее 30-томное издание БСЭ огромный коллектив ее авторов включил около... двадцати тысяч персоналий. Так нужно ли помнить еще о 150 тысячах?

— Пусть это решают наши потомки, — мудро заметил Данилов.

* * *

В кабинет директора всемирно известного Пушкинского дома в Ленинграде вошел посетитель в довольно потертом костюме отечественного пошива и с неприметной скромной внешностью. Директор, видимо, спешил, но, пробежав глазами письмо, поданное незнакомцем, сел в кресло, не снимая пальто. Тут он еще раз, уже внимательнее прочитал письмо, подписанное заместителем министра культуры Казахской ССР. Потом вызвал своих заместителей и главного архивариуса. Потом снял пальто и попросил кого-нибудь прочитать письмо вслух. Прочитали — и наступила долгая пауза. В письме излагалась просьба: ознакомить шахтера-библиографа А. С. Данилова с архивами профессоров С. А. Венгерова и Б. Л. Модзалевского.

— Вот вы все тут пожилые люди, — нарушил наконец тишину директор, — был ли на вашей памяти подобный случай? Нет. Может быть, до революции было? Тоже нет. Давайте Александру Сергеевичу создадим максимальные удобства для работы. Неслыханно ведь — шахтер и библиограф в одном лице...

— Я был предельно счастлив, мечта моя сбылась, — рассказывал Данилов. — Я сидел за письменным столом Семена Афанасьевича Венгерова, представляете?! В его кабинете, в его кресле. Я попросил разрешения разбавить давно засохшие чернила в его чернильнице и его ручкой записал часть нужных мне сведений. Храню их теперь как реликвию...

* * *

Данилов продолжал удивлять. Показав словарь, записанный в 38 больших разграфленных амбарных книгах (по 7—8 тысяч персоналий

в каждой, остальное пока на карточках), он сказал, что решил иллюстрировать «Людей голубой планеты». Каким образом?

— Почтовыми марками, конвертами с портретами, репродукциями с картин, просто фотографиями, наконец. И восемьдесят пять процентов этой работы уже сделано.

Словно не заметив моего изумления, он вскользь, как бы мимоходом, заметил, что словарь — хотя и основное, но далеко не единственное дело его жизни. И пояснил:

— Понимаете, если бы я только составлением словаря занимался, он давно бы, скажу честно, мне осточертел. Поэтому я постоянно переключаюсь на что-то другое, иначе скучно жить...

Так, переключаясь, он составил сводный каталог изданий всех книг, выходивших в нашей стране на русском языке с 1917 по 1957 годы, т. е. за сорок лет. Между прочим, даже в крупных библиотеках такого каталога нет... Собрал громадную коллекцию открыток, которую подарил потом дочери... Составил каталог всех портретных марок, выходивших в мире... Словарь личных имен «Людей голубой планеты», который продолжает пополняться (в нем есть, например, Лагшмида, что означает — Лагерь Шмидта, есть Трактор Иванович и Трактор Семенович, есть Троллейбус Николаевич, стати, кандидат наук).

— Однажды, дело еще в школе было, притиснул меня здоровенный десятиклассник к стене: «Слышь ты, Книголюб (школьная кличка Данилова), есть книжка под названием «Четырехрогий баран», автора не знаю. Найди ее, а иначе вот», — и сунул под нос в качестве аргумента кулак. Ну, я в библиотеку. Но кто же, не зная имени автора, книгу найдет? И начал я с того самого момента вести еще и каталог названий книг, причем всех — и художественных, и технических, и научных. В нем только название, имя автора и выходные данные.

Очередное чудачество Данилова? Посмотрим... Приходит ему однажды из Свердловска письмо от инвалида войны со слезной просьбой: «Лет тридцать ищущу книгу «Коронка в пиках до валета». Знаю, что это приключенческая повесть о продаже русскими Аляски. Когда-то читал ее, но автора не запомнил. Писал и в Москву, и в Ленинград, помочь не могут». А Данилов через три минуты знал, что автор книги В. Новодворский, но это псевдоним, что настоящая фамилия Сиповский Василий Васильевич, профессор, литературовед, пушкинист. Что у него масса научных трудов, но для разрядки, чтобы отвлечься, он писал приключенческие повести (всего шесть написал), а разыскиваемую «Коронку» опубликовал в 1923 году... Через неделю на сообщении Данилова пришел из Свердловска ответ на нескольких листах убористым почерком. Если бы сложить в кучку одинаковые слова из этих листов, то добрую половину составили бы — спасибо, благодарен, огромное спасибо...

Между прочим, в конце 1986 года Ленинградской библиотекой имени Салтыкова-Щедрина совместно с библиотеками имени Ленина в Москве и Академии наук СССР впервые выпущен первый том указате-

ля художественной литературы (тираж, правда, мизерный — пять тысяч экземпляров на весь великий Советский Союз). И только художественной, а у Данилова собрано все. И продолжает собираться. Поэтому его пригласили участвовать в этом восьмитомном издании, и в седьмом томе будет предисловие, ему посвященное. Такое вот выходит чудачество...

* * *

Один из почитателей Данилова назвал его человеком-институтом. Метко, конечно. Другой назвал его деятельность библиографическим подвигом. Тоже бесспорно. Это ответ на вопросы: почему ему пишут от академика до школьника и знают от Курил до Ленинграда.

НЕУДОБНЫЙ

Первое, что я услышал о нем, было:

— У этого Княгинина, понимаешь, крупный недостаток. Если перед ним дурак, то он так ему в глаза и скажет — дурак, будь тот даже самым руководящим. Никакой гибкости, неудобный он человек.

— Смешной тип, — сказал о нем другой, — вздумал к цели своей идти напролом, бился головой в стену, вот и расшибся. А надо бы где в обход, где ползком, а где и отступить. Глядишь, и достиг бы своего...

— Талантище огромный, конструктор редкого дара, время свое опередил. Таким обычно трудно, таких часто не понимают...

— Он же преступник, этот ваш Княгинин. Не зря, не зря срок хлопотал. Туда ему и дорога.

— Личность, светлая голова. Руководитель, каких мало, революционер. Такие, как он, и двигают перестройку...

* * *

Александра Александровича Княгинина, директора Семипалатинского опытно-экспериментального завода по промышленным овцеводческим комплексам, арестовали на квартире его сестры в Алма-Ате. Сюда он поехал по важному делу. Вот-вот должен был решиться вопрос о присоединении к заводу одного из овцесовхозов, в котором должны были на практике обкатываться научные и конструкторские идеи Княгинина, должен был состояться не только производственный, но и глубокий социальный эксперимент. Не состоялся... Был май, цвела сирень. Княгинин сидел за столом, что-то писал, когда за ним пришли.

— Вот немного не успел, — виновато сказал он вошедшим, — тут

у меня важные расчеты для госагропрома. Может, подождете денек? Я ведь убежать не собираюсь...

— Одевайтесь, гражданин Княгинин, — хмуро отвечивал конвоир и отвернулся к стене. Сестра плакала...

Право называться товарищем Княгининым он должен был получить лишь через четыре года (областной суд Семипалатинска определил ему меру наказания в шесть лет, Верховный суд Казахской ССР оставил четыре года колонии строгого режима с конфискацией имущества). Однако уже через несколько месяцев пленум того же Верховного суда республики (после протеста Прокуратуры СССР) принял решение освободить его из-под стражи. Что же произошло? Странная, непонятная какая-то история получалась.

* * *

В свои 52 года Княгинин несколько раз попеременно превращался из городского жителя в деревенского и обратно. Последние лет, пожалуй, двадцать жил в городах, но решал или пытался решить проблемы сугубо сельские, всего себя отдавал этим проблемам. Так уж получилось, хотя случайным его выбор считать нельзя. Он и в детстве знал не только со слов, что булки растут не на деревьях. Отец его, фронтовик, директорствовал в лесопитомнике под Кустанаем, умер рано, в 43 года, оставив шестерых детей на руках жены. Она, незаурядных способностей и воли женщина, всех их поставила на ноги, много лет работала директором совхоза на целине. Александр был ее первенцем и хлопот, по ее словам, один доставил ей больше, чем все остальные вместе. После десятилетки он решил поступать в сельхозинститут, но в Алма-Ате не прошел по конкурсу, вернулся в Кустанай, где успел сдать экзамены той же осенью в сельскохозяйственный техникум. Учился на механическом факультете легко, играючи, успевал и художественной самодеятельностью заниматься, и общественной работой (член комитета комсомола), и спортом, выбрав (случайно или сознательно?) бокс, бег, лыжи, борьбу, то есть виды, в которых успех зависел лишь от собственных умения, воли и силы, в которых отсутствовала дипломатия, в которых победы подхлестывали самолюбие и вспыльчивость характера, а поражения учили хладнокровию и рассудительности. Как понадобятся в дальнейшей жизни эти последние два качества, он тогда, конечно, не предполагал.

* * *

— Как ехал в колонию? — переспросил Княгинин и тяжело вздохнул. Мы сидели в той же квартире его сестры, откуда его забрали чуть меньше года тому назад. В она стучалась новорожденная весна 88-го года. Просыпалась природа, ей не было дела до печалей, страстей и нелепостей человеческой жизни. Обритый наголо (волосы успели отрасти

лишь до короткого седого ежика), бывший директор казался каким-то особенно беззащитным, оттопыренные уши делали его похожим на пожилого подростка, но в глазах читалась несломленная воля, а в голосе громыхал металл.

— Как ехал, лучше не вспоминать. Тяжело? Не то слово. Семь этапных тюрем миновал, пока в декабре «домой пришел», как выражаются зеки, в Уссурийскую тайгу, в ту самую колонию строгого режима, где я должен был исправляться, непонятно, правда, от чего, от каких прегрешений. Ну, ладно. Ознакомилось тамошнее начальство с моим делом. Ага, директор, да к тому же главный конструктор. Куда его? А в колонии свой завод есть, при нем, естественно, техчасть. Меня — туда, за кульман, чертежи делать. И тут я так рассудил: если есть завод (я уже понял, что он достаточно мощный), то почему бы не заняться ему воплощением в жизнь моих конструкторских идей. Ведь и здесь, в Приморье, сельское хозяйство нуждается и в кормоперерабатывающей, кормосмесительной и другой технике, которую мы как раз и разрабатывали у себя в Семипалатинске. И написал я тогда докладную записку на имя первого секретаря крайкома партии и председателя крайисполкома, где объяснил, кто я такой и чего хочу. Стал ждать...

Порядок, определенный в колонии, разрешал заключенному Княгину два письма в месяц. Он знал, с каким нетерпением ждали от него весточку родные, но первые письма отправил все-таки не им.

* * *

Так уж совпало, что техникум Саша Княгинин окончил к моменту, когда началось освоение целинных земель. «Едем мы, друзья, в дальние края», — гремело по радио. Для него, впрочем, дальние края оказались совсем рядом. По распределению отправился он в Камышинский район той же Кустанайской области, в типичный целинный совхоз, возникавший в степи.

— Директором его стал украинец по фамилии Кухта, — вспоминал Александр Александрович, — чудесный человек, знаток своего дела и романтик в душе. Плуг называл не иначе, как только оралом. Пахать — орать. Меня, мальчишку, поставил бригадиром огромной тракторной бригады. Но мне командовать не нравилось, нет. Да и не умел я. Нравилось самому пахать, то бишь орать, степь. Спал два, три часа в сутки, случалось, прямо в кабине, и ничего, выдерживал. Так большинство тогда работало, не я один... А через год сосватили меня в райком комсомола, инструктором. Вот уж где ошибся, так ошибся. Думал, иду на живое дело, а пришлось заниматься писанием каких-то справок, какой-то показушной деятельностью. Может, не повезло мне, не в тот райком попал? Только увидел я там имитацию настоящего дела, понял, что знания мои там не понадобятся. Выдержал три месяца и стал проситься обратно — не отпускают, документы не отдают. Хлопнул дверью, сел на по-

путьку и — в Кустанай... Понимаю, конечно, что хлопанье дверью — не лучший аргумент, но не своим делом заниматься не стало уже мочи. Не хотел обманывать ни себя, ни других. В общем, уехал в город, там поступил на факультет математики пединститута, опять стал студентом, горожанином.

* * *

Записку заключенного Княгинина в крайкоме партии и крайисполкоме прочитали со вниманием и некоторым удивлением. Его рассуждения отличались несомненной логикой (действительно, в крае остро ощущалась нехватка кормоперерабатывающей техники, что тормозило развитие молочного и мясного животноводства, а это в конечном счете отражалось и на снабжении населения). Несколько настораживал напор Княгинина и его уверения, что производство нужной техники можно наладить в считанные месяцы, чуть ли не в недели. Это попахивало прожектерством, тем более, что странный заключенный, кроме всего прочего, обещал помочь в полной механизации пастбищного животноводства, писал о каких-то складывающихся изгородах, применение которых сделает ненужной профессию пастуха... И вообще какой-то чудак. Всякий нормальный зек стремится отлынивать от лишней работы, а этот, наоборот, ищет ее. В чем тут дело? После консультации с начальником колонии решили направить к Княгинину опытных спецов из агропрома, таких спецов, которых на мякине не проведешь: пусть выскажут свое компетентное мнение.

* * *

К конструированию Княгинина подтолкнула безвыходность положения, врожденная жалость горожанина к животным и презрение к кабинетной работе. Когда он кончал институт, ему предложили, к его великому изумлению, ехать в Тургай ...секретарем райкома комсомола.

— Все, что угодно, только не это, — твердо ответил он, — я ведь уже бежал из одного райкома.

— Хорошо, главным инженером в совхоз поедешь?

Он согласился без колебаний, хотя знал, что тогда, в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, Тургай представлял собой одну из самых глухих провинций. Мать, узнав о его решении, причитала: «Куда тебя, Сашка, несет, горе ты мое? Там же бездорожье, там волков напасть, там болезни, там ни асфальта, ни самолетов, ни жилья, там на верблюдах друг к другу в гости ездят...» Ничего, мать, успокаивал он ее, будут там со временем и самолеты, и асфальт.

— А совхозике достался мне преогромный, его из трех колхозов в один слепили, мода тогда пошла все укрупнять, гигантомания, — вспоминал Александр Александрович, — восемь отделений в нем, из одного

угла в другой ехать двести сорок километров. Одних только овец 85 тысяч голов, да лошадей и коров многие тысячи, да земель пахотных ого сколько... Ох, и дали мне жизни те овечки грубошерстной породы. Они привычку имеют линять, свою зимнюю шубу сбрасывать самостоятельно и где попало, причем быстро — за двадцать дней. Если не успеешь их постричь, шерсти пропало, шерсти не видать. Так оно и выходило все время, поскольку стрижка растягивалась до полутора месяцев, когда от рокошных шуб жалкий клочок на спине оставался. Потери громадные, а главное дело, вижу, никого они особенно не волнуют (эх, если бы в те годы да нынешние идеи хозрасчета). И так жалко мне стало моих овец, обидно за них. И решил я исправить нелепое положение, при котором теряется добрая половина продукции, а под маркой потерь еще и разговаривается. Только как исправить? Слетал в Ставрополь в Институт овцеводства, побывал во ВНИИ электрификации и механизации сельского хозяйства, поплакался ученым. Посочувствовали мне, но чем конкретно помочь, тоже не знали. Стал думать сам и надумал построить стригальный цех сразу на сто машинок (такого тогда во всем Казахстане не было)...

О том, как строил Княгинин свой цех, надо бы писать отдельную историю. С каким трудом добывал дефицитный лес и другие материалы, как бился с неприятием нового, с косностью, непониманием, ленью, как ломал устоявшиеся за десятилетия традиции, байство мелких и крупных начальников, не хотевших ничего менять, не желавших брать на себя хоть какую-то долю ответственности за принятие решений.

— Зачем тебе этот цех? — спрашивали его на разных уровнях, от рядового чабана до партийных работников высокого ранга. — Будет ли толк? Оправдаются ли затраты? Не опозоримся ли на всю республику?

За всеми этими сомнениями слышалось традиционное: как бы чего не вышло. Сколько смелых и современных идей сгубила эта формула сверхосторожности! Но как же яростно Княгинин ей сопротивлялся. При этом он мог долго и терпеливо убеждать в нужности, полезности какого-то новшества чабанов, но убедить в том же самом какого-нибудь начальника ему частенько терпения не хватало. Он срывался, мог наговорить дерзостей, потом быстро остывал, но было уже поздно... Впрочем, так или иначе, свой стригальный цех он построил. Дела в совхозе сразу пошли веселее, он впервые выполнил и даже перевыполнил план по сдаче шерсти. Как водится, поехали к Княгинину делегации за опытом. Как водится, сомневавшиеся и даже вставлявшие палки в колеса ретрограды-начальники теперь давали понять, что без их участия новаторство бы не состоялось. Все это Княгинина сместило и злило одновременно. Узнав многие проблемы овцеводства (патриархальный уклад, каким он был два века тому назад, тяжелый непроизводительный ручной труд, экстенсивный метод ведения отрасли, слабость научной и материальной базы), увидев их изнутри, он понял, что мелкими отдельными новшествами кардинальных сдвигов к лучшему не добиться. Нужен

комплексный подход... Конечно, большой стригальный цех — это неплохо. Не очень хорошо только, что он стационарный, что часть овец приходится гнать в эту парикмахерскую за многие десятки километров, а потом ведь и обратно, к пастбищам. А если наоборот: цех гонять к овцам? — подумал он. Вот идея: поставить цех на колеса, пусть он будет меньших размеров, но передвижным.

Немедленно Княгинин принялся за расчеты и чертежи, еще не предполагая, что логика размышлений и дела неминуемо приведет его к революционной идее — перевести все овцеводство на промышленную основу, заставить и кошару, и поилки, и все остальное ходить за отарой. Это случится позже, когда вслед за передвижным стригальным пунктом он придумает так называемый чабанский комплект (кстати, сразу же отмеченный медалью ВДНХ в Москве и премией на конкурсе технического творчества молодежи), в который входили и раскладывающийся по кинематической схеме зонта дом для чабана, и укрытия для овец, способные трансформироваться то в легкий навес, то в теплую кошару, и наливной водопойный пункт, и ветеринарный уголок... Опять его хвалили, и вновь он был не удовлетворен сделанным, потому что, как всякий творческий человек, не видел предела совершенству. Новые смелые идеи уже не давали ему покоя. Он задумал создать целый комплекс машин для промышленного овцеводства...

Как-то поделился Княгинин своими мыслями с секретарем райкома Казыбаевым, хорошо знавшим в прежние годы его отца. Тот выслушал его, честно предупредил: «Смотри, сынок, шею себе сломаешь. Занимался бы лучше сенокосом, кормами, тракторами, оборудованием молочных ферм...» Мудрый аксакал, всякого повидавший в жизни, сразу понял, что без социального переворота идеи Княгинина в жизнь не воплотить. Его предвидение оказалось, к сожалению, вещим: Княгинин действительно ломал себе шею и неоднократно.

* * *

Спецы из агропрома, поговорив с гражданином Княгининым, обрались ...в его веру. Единственное, что они не хотели понять, его стремление предельно ускорить события, немедленно приступить к изготовлению техники, чертежи которой он обещал подготовить через неделю, другую, — помнил их наизусть. Конечно, нужно внести кое-какие поправки с учетом местных условий, но, уверял он, за этим задержки тоже не будут.

— Стоит ли спешить, — убеждали его, — если впереди у вас четыре года.

— Стоит, — парировал он, — потому что вот-вот я уеду отсюда, я же невиновен, по ошибке сюда угодил. Разберутся, время-то сейчас какое?

— За всю историю существования колонии, — сказал ее началь-

ник,— освобождены досрочно в результате отмены обвинительного приговора лишь трое.

— Значит, я буду четвертым,— ответил Княгинин. И оказался прав.

* * *

Первый раз он «сломал себе шею», когда из совхозного инженера превратился в научного сотрудника только что возникшего тогда, в 1962 году, под Кустанаем Целинного НИИ механизации и электрификации сельского хозяйства. Через два года Княгинин считался уже ведущим конструктором, самые смелые идеи возникали в его лаборатории. Он становится членом Ученого совета института, коммунистом. Его группа разрабатывает технологию производственных процессов и систему машин для промышленных овцекомплексов, способных поднять производительность труда в овцеводстве в 10—15 раз. Все, казалось бы, прекрасно, но еще через три года Княгинина из института увольняют и исключают из партии, несмотря на решение местного комитета: «Просить Министерство сельского хозяйства республики за склоки, учиненную расправу, за сведение личных счетов уволить А. Ю. Терпиловского (зам. директора института.— Ю. Л.) с работы. Княгинина восстановить». Не восстановили. Тогда из солидарности с ним еще два десятка самых способных, талантливых ученых и конструкторов покинули стены института... А началось все со строптивости Княгинина, отказавшегося дать материалы своих разработок заведующему лабораторией. На каком-то престижном совещании тот собирался сделать доклад об успехах института, а поскольку собственных разработок не имел, то и... В общем, понятно. Княгинин возмущился и резанул напрямик:

— Давайте обойдемся без показухи, тем более что наши разработки еще сырые, неизвестно что получится.

— Да, Княгинин, неудобный ты человек. И недалёковидный. Для тебя бы лучше — исправить, стену ведь лбом не прошибешь...

Но Княгинин исправляться не хотел. Он вслух, без дипломатии говорил о том, о чем знали все, но предпочитали помалкивать. О том, что институт за несколько лет своего существования не сделал (если не считать работ группы Княгинина) ни одной машины для сельского хозяйства, не опубликовал ни одной научной работы, не дал ни одной рекомендации для тружеников села... Чем такие речи кончаются, увы, хорошо известно. Сначала администрация под видом сокращения ликвидировала лабораторию (самую перспективную) неудобного Княгинина, а его группу перевела в подчинение тому самому завлабу, любившему делать престижные доклады. Механизм «исправления» строптивца заработал на полную мощность.

«Княгинин, хотя его и страшали, и добром уговаривали, не уходил из института,— писала «Комсомольская правда» 14 сентября 1967 года.— Если бы не работы Александра, не его талант, ему бы долго не

удержаться. А работал Княгинин, как одержимый. Закончена работа над новым фиксатором (для овец при их стрижке или искусственном осеменении.— Ю. Л.), Александр едет на государственные испытания в Алма-Ату. Без него составляется приказ и посылается вслед за Княгининым по почте строгий выговор с предупреждением. Мол, посмотрите, товарищи из Алма-Аты, какой этот Княгинин. Испытания прошли успешно. Княгинина пригласили на заседание научно-технического совета в Москву. Он купил билет. Ему предложили сдать его и потерпеть один день. Назавтра Княгинину объявили еще один выговор. Изобретением Княгинина заинтересовались зарубежные фирмы. Его работу решили экспонировать на Международной выставке сельскохозяйственных машин. Княгинин пришел к директору с просьбой командировать его на завод.

— Знаю, молодцом! Но,— развел руками Г. Ф. Николенко,— не будем нарушать традицию. Потерпи до завтра...

На другой день Княгинина уволили из института. Тут свое веское слово сказал заместитель директора А. Ю. Терпиловский. Это он дал заведомо ложное заключение по отчету Княгинина и настоял на его увольнении».

Защитить новатора коллективу не удалось, вот тогда и ушли в знак протеста его единомышленники, с той поры овечья тема — а для республики это вопрос вопросов — в институте заглохла. Честное имя коммуниста Княгинина восстановила Комиссия партийного контроля при ЦК КП Казахстана, отменившая необоснованное решение о его исключении из рядов КПСС...

Вторично он прослыл неудобным в Актюбинске, где работал главным конструктором завода сельхозмашин. Здесь он пытался прекратить выпуск морально устаревшей техники, заменить ее новейшими разработками, сплотил вокруг себя беспокойных, ищущих людей, изобретателей, инженеров, конструкторов. Безоблачное сытенное существование завода с треском рапортов о перевыполнении плана (о том, что их продукция устарела, и слышать не хотели), с гарантированными премиями, с похвалами высокого начальства, а то и с блеском наград вдруг стало меняться на риск творчества, на поиск новых технологий, на смелые предложения о перестройке производства. И немедленно почувствовал Княгинин сопротивление своим идеям, и не только со стороны администрации завода. Снова возникла перед ним стена бюрократизма, снова он шел на нее без страха и сомнений в лоб, на таран. Он написал в ЦК партии, в правительство страны докладную записку на 28 страницах с объяснением своей позиции, с экономическими расчетами, с предложениями о создании системы машин, которые помогут решить проблемы овцеводства. Его вызвали в Москву, где он выступил перед несколькими министрами и их замами, имеющими отношение к сельскому хозяйству, перед партийными работниками. Его рассказ показался всем

убедительным. Княгинина спросили, что необходимо для воплощения его замыслов в жизнь.

— Крупное конструкторское бюро, независимое, самостоятельное производство при нем и финансирование, — ответил он. Вскоре вышло постановление правительства о создании опытно-экспериментального завода по промышленным овцекомплексам и о назначении его директором — главным конструктором А. А. Княгинина.... В Актюбинск он возвращался победителем и не предполагал, что через две недели состоится разбор его персонального дела, что его обвинят ни больше ни меньше как в попытках срыва государственного плана, а заодно в высокомерии и грубости, исключат из партии и уволят с работы. И снова он потратит много душевных и физических сил, чтобы добиться справедливости и восстановиться в рядах КПСС. И вновь вслед за его уходом покинут на этот раз завод двадцать шесть лучших конструкторов...

В третий раз Княгинин «сломал себе шею» в Семипалатинске. История эта оказалась самой драматической, она и сегодня еще не окончена.

* * *

Княгинин спешил. Здесь, в колонии строгого режима, в которую его заключили без права занимать руководящие должности в течение пяти лет, он стал фактически... руководителем конструкторской группы, вновь обрел свое любимое дело, почувствовал, что он нужен. Дай ему волю, он бы и ночами работал, но работать сверх нормы здесь не полагалось. Впрочем, думать ему никто запретить не мог, и долгими бессонными ночами он успел много раз обдумать свою судьбу и много раз прийти к единственному выводу: он не может, не имеет права отступить, он должен сражаться за свои идеи не потому, что они принадлежат ему, а потому, что обещают принести людям огромную пользу... Княгинин спешил не зря.

19 февраля 1988 года Пленум Верховного суда Казахской ССР вынес постановление о его освобождении. В тот же день по поручению коллектива Семипалатинского опытно-экспериментального завода в Уссурийск вылетели встречать своего директора его представители — бригадир комплексной бригады Александр Владимирович Перескоков и заместитель главного конструктора Владимир Васильевич Сушко. Они не предполагали, что застрянут там на целый месяц (поскольку документы об освобождении Княгинина «случайно» отправят из Верховного суда куда-то не туда), что им оформят пропуска в колонию, на завод, где вместе с Княгининым-Уссурийским (так шутя они его приветствовали) примут самое деятельное участие в работах на конвейере, в выпуске первого измельчителя кормов и комплекса для производства травяной муки... Только 19 марта Княгинин получил наконец свободу. А накануне из цеха выкатилась первая машина для села. Теперь он был уверен, что остальные сделают и без его помощи, по оставленным чертежам. Еще раз он доказал, что его идеи не прожектерство.

Эксперимент, о котором Княгинин много лет мечтал, необходимость которого доказывал в яростных спорах в кабинетах разных «генералов» от сельского хозяйства, начался наконец в совхозе имени Билибаева Семипалатинской области. Все в нем было необычно: и то, что пасти овец собирались рабочие, инженеры и конструкторы завода; и их уверенность, что с несколькими тысячами овец спокойно управятся три человека; и что вообще овечкам будет дана полная самостоятельность — хочешь травку щипли, хочешь водичку пей, хочешь на отдых ложись, никакого понукания...

— Ой, бай, — удивлялись чабаны, — так ведь без догляда овцы разбегутся, не соберешь...

— Как же они разбегутся? — удивлялись, в свою очередь, заводские. — Если будут находиться внутри загона. И тут же демонстрировали изумленным чабанам, как с автоприцепов сползали на землю, самораскладывались элементы изгороди, окружая участок степного пастбища в несколько десятков гектаров. А внутри нее так же быстро монтировались из модулей навесы-укрытия для овец, водопойные наливные пункты, автопоилки, рядом возникло жилье, закрутился ветряной двигатель, вырабатывая ток... Так возникли шесть загонов, куда поместили шесть отар (хотя можно бы всех овец собрать в одну большую отару в одном большом загоне, но тогда они бы все перемешались — чабаны возражали против этого).

— Любопытная картина получалась, — рассказывал Княгинин, — шесть чабанских бригад оказались не у дел. Шесть юрт рядом стоят, шесть самоваров кипят, десяток лошадей под седлами, а дела никакого. Овцы-то сами себя пасут, причем выгоду свою поняли мгновенно: в жару под навес прячутся, в тень, с наступлением прохлады по участку разбредаются, кормятся, как оказалось, даже ночью. Гонять их на водопой за несколько километров не надо, он рядом... Смотрю, затосковали мои чабаны. То один, то другой раскроев изгородь, поедит на коне по загону, убедится, что никакого смысла в этом нет, и обратно. Наши люди, трое, тем временем другой участок степи огораживают, чтобы перегнать овец в новый загон, как только в прежнем истощатся корма. И так далее по плану. Только новый, к сожалению, не потребовался, потому что эксперимент наш прекратили на десятый день волевым решением обкома... Демагоги сразу в крик: Княгинин, мол, хочет всех чабанов без работы оставить, что это противоречит принципам социализма, что его система породит новые, несвойственные нашему строю проблемы... Как будто память отшибло, забыли, что ежегодный дефицит в чабанских кадрах — и не только в Казахстане — составляет десятки тысяч человек, что молодежь не идет в чабаны, утерян престиж

профессии. А как его поднять, если в республике приемы овцеводства остаются теми же самыми, что и сто, двести лет тому назад: примитивное рассредоточение скота по мелким отарам в шестьсот — восемьсот голов, исключительно ручной производственный труд. Но ведь это одновременно и рассредоточение людей по урочищам, отгонам, участкам, их оторванность от коллектива, от семей, от благ цивилизации, от культуры. Такого ведь не увидишь в других отраслях сельского хозяйства — в земледелии, в птицеводстве, в молочном животноводстве. Чабаны жалуются на тяжелый труд. Правильно жалуются. Но давайте рассмотрим их жалобы вот в каком аспекте. Сегодня нагрузка на одного чабана в Казахстане составляет двести овец. Если же учесть немалое количество портфельносителей совхозного и районного масштаба, не имеющих непосредственного отношения к овцеводству, но тем не менее получающих за его счет зарплату, то на человека придется, стыдно сказать, только по сорок голов — мы подсчитывали. Но если даже по двести, то много это или мало? Сравним с Австралией, где фермерская семья из четырех человек держит 20—25 тысяч овец. Как это удается? А у них существует система огороженных пастбищ, которая складывалась постепенно, в течение двух веков, система, подкрепленная механизацией, компьютеризацией, кормопроизводством и т. п.

— Но ведь и у нас в республике принята программа огораживания пастбищ, — сказал я, — по миллиону гектаров в год.

— Да, звучит красиво, громко, — ответил Княгинин. — А как быть с тем обстоятельством, что в Казахстане более ста восьмидесяти миллионов гектаров пастбищ? Что же, будем сто восемьдесят лет огораживать? Как быть с миграцией по степям сотен тысяч диких копытных — сайгаков, неспособных преодолевать рукотворные преграды? Ведь они кочуют как раз в зоне пастбищного овцеводства. Я уверен, что слепо копировать австралийскую систему мы не должны, у нас другие условия и обстоятельства. Да, огораживать пастбища необходимо, только не стационарными, а передвижными изгородами, что мы и предлагаем вместе с системой разработанных нами машин (более 80 типов. — Ю. Л.) для промышленного овцеводства... Если нашу технологию наложить на совхоз, то обнаружится масса лишних людей, занятых нынче в овцеводстве, обнаружится, что из десяти человек нужен только один. Например, сорок тысяч овец по нашей системе легко могут пасти три бригады, в каждой из которых девять человек (сейчас с таким поголовьем работают несколько сотен людей). Отары укрупняются до двух тысяч голов или больше, бригада делится на звенья, которые трудятся по вахтовому методу — неделю в степи, две недели дома. Значит, исчезнет оторванность чабанов от семей, значит, все будут жить в благоустроенном поселке, значит, станут ненужными школа-интернат для чабанских детей, разные автолавки, автоклубы, значит, можно организовать современный быт и досуг, значит, в овцеводство пойдут грамотные молодые люди. Наша система может повысить производительность труда в овцеводстве

минимум раз в пятнадцать. Тогда и престиж профессии поднимется, только тогда можно увеличить общее поголовье овец в республике, которое мы тщетно пытаемся поднять десятки лет (напомню, что до 1914 года в Казахстане выпасалось более 60 млн. овец, сейчас — в два раза меньше. — Ю. Л.). Понимаю, что внедрение нашей технологии — это социальный сдвиг, коренная перестройка всей отрасли. Но другого пути просто нет. Много лет я добиваюсь разрешения на проведение широко-маштабного социально-экономического эксперимента, чтобы всесторонне, комплексно проверить нашу систему. Дело в том, что на одной отаре ее не проверить, на двух, трех — тоже. Нужно целое хозяйство. В прошлом году наконец Госагропром республики решил рискнуть и закрепить за нами овцеводческий совхоз в Чубартауском районе (500 километров от Семипалатинска, далеко, неудобно: думали, откажется Княгинин, а он согласился. — Ю. Л.). Однако буквально за неделю до утверждения решения меня арестовали, затем состоялся нелепый суд, признавший меня матерым преступником. Все сорвалось...

* * *

Следствие «по делу» Княгинина продолжалось почти три года (все это время он продолжал работать директором и главным конструктором завода). Оно начиналось еще в то время, которое сейчас принято называть застойным, а заканчивалось уже на первом этапе перестройки. Впрочем, на его стиле и методах перемены, происходившие в стране после апреля 1985 года, никак не отразились. Увлеченно проверялись анонимки на директора (неважно, что ничего не подтверждалось, зато создавалась атмосфера некоей подозрительности и нечистых слухов). После одной из них Княгинин сам предложил обсудить на общем собрании коллектива, достоин ли он им руководить. И собрание такое состоялось. Оно единодушно осудило... сомнения Княгинина, подтвердило его право быть директором, отметив при этом известные недостатки его характера: вспыльчивость, доходившую иногда до грубости...

Увлеченно трудились на заводе различные проверочные комиссии, иногда представленные малокомпетентными людьми, плохо понимавшими специфику опытно-экспериментального производства (тогда и появлялись выводы, например, о незаконном начислении премий работникам завода, поскольку государственный план по выпуску продукции, дескать, не выполнен. И делался вывод о приписках).

Тщетно доказывал Княгинин, что критерии оценки опытного завода совсем другие — не выпуск серийной техники, а разработки новых моделей. Его не слышали. А может быть, просто не хотели (услышать?)... Увлеченно, скрытой камерой, фотографировались работниками УВД этапы строительства Княгининым своей дачи по воскресеньям, даже интимная его жизнь. Для чего? Авось пригодится? Не пригодилось, дача строилась на свои кровные... Увлеченно мчался к заводу милицейский

наряд, подкрепленный работниками... КГБ (позвонил аноним, сообщил о дебоше, якобы устроенном на заводе директором, а Княгинин давно оттуда уехал по какому-то делу). Рабочие завода, всерьез обеспокоенные за судьбу и жизнь своего директора, организовали его охрану. Да, да, выделили из своей среды телохранителей, что тут же незамедлительно вменили в вину... самому Княгинину... Увлеченно и азартно открывали на него уголовные дела, которые немедленно лопались. Но азарт не проходил. Шестое (!) по счету уголовное дело все-таки кончилось судом. Не хочу и не буду много о нем говорить, поскольку о его несправедливости, о предвзятости достаточно писалось в «Сельской жизни» и журнале «Человек и закон», поскольку пленум Верховного суда Казахской ССР отменил его решение, плеснув, впрочем, в чашу справедливости изрядную порцию дегтя (об этом чуть позже).

Отмечу только два момента. Следствие представило Александра Александровича Княгинина крупнейшим мошенником, надувшим государство почти на 1,3 миллиона рублей (приписки в реализации экспериментальных машин и на их основе незаконная выплата премий).

В суде обвинение под напором фактов затрещало по всем швам, миллион неуклонно таял и должен был растаять совсем (но тогда за что же боролись?), осталось 27 тысяч рублей (кстати, за одни сутки завод выпускал тогда продукции на сорок тысяч рублей). Вторым моментом было обвинение директора в краже с родного завода листового железа по предварительному сговору с неким Мирзаевым, действительно оказавшимся жуликом. К тому же Мирзаев «чистосердечно признался», что за эту операцию дал Княгинину крупную взятку. С «чистосердечностью», правда, приключился конфуз, поскольку в день дачи ему взятки Княгинин на заводе... вообще отсутствовал, находился в далекой командировке, как и в день вывоза Мирзаевым металла с завода. Вывозом распоряжался заместитель директора Филатов...

Интересно, как бы вы поступили, находясь в роли судьи и узнав о таких несоответствиях? Уверен, что вам далеко до «мудрости» Семипалатинского суда, который пригласил товарища Филатова на процесс в качестве свидетеля, а отсутствовавшего в момент кражи гражданина Княгинина признал в ней виновным. Товарища Филатова, кстати, быстро после этого убрали с завода, пересадив в другое руководящее кресло, а гражданина Княгинина под усиленной охраной повезли на восток. Чудеса?! Что-то грустно становится от таких чудес...

* * *

Снова и снова размышляю о драматической судьбе Княгинина. Пытаюсь понять, что давало и дает ему силы, чтобы выстоять в борьбе с несправедливостями. Ответить в общем-то просто: его вера в правоту своего дела, в конечное его торжество. Он всегда оставался самим собой, не умел подстраиваться под чье-то высокое мнение, если был с ним не-

согласен (ему и в голову это не приходило), в глаза говорил то, что думал, и потому считался всегда и везде неудобным. Он раздражал своей инициативой начальников, привыкших только в своей воле видеть истину в последней инстанции, способных разрешить чью-то самостоятельность только по их дозволению. Княгинин дозволения не спрашивал...

В случайном разговоре со знакомым нейрохирургом он как-то узнал, что, если к определенным точкам человеческого уха подсоединить специальные электронные датчики, то они могут рассказать о его состоянии, о недомоганиях. Прекрасно, — восхитился он, — а если подсоединить датчики к уху овцы? Пригласил специалистов на завод, где через несколько месяцев сделали оригинальное устройство способное буквально через несколько дней после осеменения овец установить, какая из них осталась яловой, с какими нужно повторить операцию (надо ли убеждать в практической ценности такого прибора, если до этого каждая пятая овца оставалась без ягнят, что выяснялось лишь при самом ягнении)... Биолог подсказал ему идею выращивания хлореллы (в качестве добавки к кормам), и Княгинин немедленно создал на заводе опытную установку для ее производства (получилось, но промышленную сделать не дали)... С помощью физиков рождался автоматический счетчик овец, совмещенный с весами, и т. п. Но главным генератором идей был сам Александр Александрович, сконструировавший не один десяток машин, не имеющих аналогов в мире...

Мне казалось, что человека, создавшего на пустом месте современный первоклассный завод (кстати, единственный подобного профиля в стране), разработавшего оригинальную технологию промышленного овцеводства, надо бы на руках носить, всячески поддерживать («да что там, хотя бы не мешали», — со вздохом посочувствовал сам себе Княгинин), а ему постоянно вставляют палки в колеса. О том, как он создавал завод, можно бы тоже отдельную историю писать. Как вместе с рабочими директор вылавливал баграми плавник на Иртыше, чтобы напилить из тех бревен доски для строительства. Как вместе с конструкторами чертил ночами проекты заводоуправления, цехов, жилого дома, профилактория, как вместе с инженерами организовывал производство вечно дефицитного кирпича. Как восстанавливал списанные, привезенные с базы вторчермета выброшенные станки (за десять лет существования заводу было выделено... аж три станка, а теперь их там около полутысячи).

Сейчас мы постоянно говорим, что перестройке нужны инициативные, самостоятельные мыслящие люди, что необходимо освободить руководителей от мелочной опеки, доверять им в главном, но и спрашивать за главное, поощрять поиск и творчество. Княгинин задолго до нынешних революционных сдвигов в экономике (еще в 1979 году) перевел свой завод на принципы хозрасчета, самофинансирования и самокупаемости, влил в бригады рабочих инженеров и конструкторов, получавших зарплату по конечному результату и в зависимости от качества

и количества вложенного труда. Директор поддерживал самые фантастические проекты, создав на заводе некое подобие постоянно действовавшей выставки «безумных» идей. Кстати, сами идеи могли здесь воплощаться весьма быстро, даже по эскизам — все возникавшие проблемы решались по ходу дела, на месте. Рабочие включились в творческий процесс, не боясь подсказывать какие-то решения конструкторам, а те не считали зазорным принимать их советы. Все делали общее дело... Директор не ждал заказчиков на продукцию завода, он их активно искал и находил не только в Казахстане, но и в Сибири, Подмосковье, на Алтае, Украине. Имея от государства на все про все... 300 тысяч рублей в год, при дефиците металла, красок и других материалов, он сумел так организовать производство, что завод стал выпускать продукции на многие миллионы рублей. Как это удавалось? Княгинин предложил заказчикам делать нужные им машины из их же материалов. Просто? Да, но все это некоторым руководящим портфельносителям (как, не тая презрения, называет Княгинин бюрократов) показалось подозрительным.

Их раздражало «самоуправство» Княгинина, его привычка принимать решения без согласования с ними и его удачи в делах, высокие заработки заводских рабочих и бригадиров. «Нет, тут что-то не так, надо проверить». Как он был им неудобен!

Уже началась в стране перестройка, но они не замечали, не хотели заметить, что неудобный для них Княгинин оказался идеально удобным для начавшихся революционных сдвигов. Они проверяли... Хорошо известно, чем кончались подобные целенаправленные проверки несколько лет тому назад. Поразительно, что и в 1987 году они кончились в Семипалатинске тем же: новатор был изгнан и осужден (как крупный расхититель, а при конфискации у него описали имущества аж на тысячу с небольшим рублей). Но случилось невероятное. Рабочие, защищавшие своего директора до конца, не отступились от его идей. Когда представитель райкома партии предложил на общем партийном собрании завода исключить Княгинина из партии (еще не было суда, еще неясно было, чем он кончится), то все единогласно проголосовали против. (А действительно, почему повсеместно принято наказывать по партийной линии коммуниста еще до суда, т. е. фактически заранее признавать его виновным, тогда как это решает только суд? И как теперь товарищи из райкома, отобравшие вопреки решению первичной организации партбилет у Княгинина, будут смотреть ему в глаза? Ведь придется партийный билет возвращать.) Уже после этого (но тоже до суда) рабочие завода выдвинули Княгинина кандидатом в депутаты областного Совета, а после необоснованного его осуждения подписывали телеграммы и письма протеста в адрес самых высоких правительственных инстанций. Тогда началось давление на самих рабочих, но они стояли на своем... Когда же возник вопрос о новом директоре, рабочие единодушно избрали на эту должность Александра Николаевича Шумского, бывшего бригадира, затем заместителя главного конструктора, единомышленника Княгинина,

хотя им пытались навязать совсем другого человека... И вот теперь я думаю: пожалуй, нет ничего невероятного в позиции и действиях рабочих, наоборот — они вполне закономерны, вполне в духе перестройки, которая, значит, и до Семипалатинска дошла. И Княгинин вот на свободе, но...

* * *

Рассказал давно знакомому чабану об идеях Княгинина. Он послушал про загоны, про всякие умные машины, облегчающие труд, про вахтовый метод, про передвижные стригальные пункты и кошары, а потом сказал:

— Прекрасно, но я бы тоже увел свою отару из загона, как те чабаны четыре года назад. Почему? Ну, хорошо, тебе скажу откровенно, но только с условием: назовешь мою фамилию, я от всего откажусь. Пойми, ты уедешь, а мне тут жить, и моим детям, и моим родным... Так вот, у меня с помощниками отара в шестьсот голов, за которую мы отвечаем перед государством. Питаемся, естественно, бараниной, поэтому вместе с государственными держим и своих овец (сколько — говорить не стану). Приходят два моих брата, один механизатор, второй учитель, просят: попаси десяток-другой наших овец. Как откажешь? Почему, почему? Ты на пустые полки сельмага взгляни, там прочтешь ответ: мяса нет, а им ведь тоже семьи кормить надо... Начальство обо всем знает, но закрывает глаза, потому что в моей отаре пасутся столько-то овец глаvbуха, в соседней — директора совхоза, в третьей — парторга, а в четвертой — районного прокурора. Вершина пирамиды скрывается в областных сферах. Причем начальник рангом повыше норовит разбросать свою скотинку в несколько отар. Это, конечно, уже нахальство, но и не возразишь теперь — сам опутан по рукам и ногам паутиной круговой поруки. Вот и молчишь... А система Княгинина, насколько я понимаю, обещает разорвать эту паутину. Только мне сомнительно, чтобы она помогла наполнить полки сельмага бараниной. Да и привык, честно говоря, степной житель к собственным барашкам. Спросить бы об этом Княгинина...

Я спросил. Александр Александрович ответил как о давно продуманном и решенном:

— Наша технология легко разрешает проблему личного скота: просто рядом с государственным ставится кооперативный загон, в котором и будут содержаться собственные овцы чабанов, школьных учителей, глаvbуха, парторга и т. д. Хочешь взять для своих нужд, пожалуйста, бери и распишись в книге учета. Только и всего... А вообще твой знакомый чабан прав вот в каком смысле. Действительно, на нынешнем этапе главный тормоз при внедрении машинной технологии в овцеводстве — психология чабана. Как ее переломить? Только практическим показом достоинств нового метода. Нужен настоящий эксперимент, не

в урезанном виде, как это было в Абайском районе, а широкомасштабный. За это и бьемся. Я уверен, что эксперимент приведет к решительному революционному перевороту во всем чабанском деле, к перестройке. Иначе трудно бороться и с содержанием личного скота в государственных отарах, сама существующая система к этому подталкивает... Сколько сейчас неучтенного скота, кто скажет?

Я попытался навести на этот счет справки и выяснил, что при пересчете скота только в прошлом году выявлено 1,2 миллиона овец, 183 тысячи голов крупного рогатого скота, 85 тысяч лошадей и верблюдов, находившихся в личном пользовании, но незаконно содержавшихся за государственный счет в общественном стаде. Сами контролеры утверждают, что картина далеко не полная.

* * *

Наконец, как и обещал, об изрядной порции дегтя. Да, Александр Александрович Княгинин на свободе, он снова главный конструктор опытного завода промышленных овцекомплексов (теперь заместитель директора). Снова вернулся к делу, которому посвятил жизнь. Но есть одно «но». Пленум Верховного суда республики свое решение о его освобождении сопровождал маленькой припиской: «Отправить дело Княгинина на доследование». Что это, скрупулезные поиски истины или, может быть, попытка защитить честь судейского мундира? Еще где-то гуляли документы Княгинина, а он сам в колонии строгого режима, отбывая не заслуженный им срок, заканчивал сборку своей первой на Дальнем Востоке машины собственной конструкции для сельского хозяйства, а на завод в Семипалатинске (чуть ли не на следующий день после решения пленума областного суда) нагрянула следственная группа из полутора десятков человек, которую возглавили уже знакомые по прежним тотальным проверкам следователи С. Ашенов и К. Фаткулаев. Опять копаются в документах, опять допрашивают рабочих, опять завод лихорадит (по сути дела, пятый год!)... Завод, кстати, передали в ведение Главного управления машиностроительной промышленности Госагропрома Казахской ССР, объединяющего в основном ремонтные заводы, поэтому есть опасение, что опытно-экспериментальный завод овцекомплексов (напомню, единственный в стране) не только потеряет самостоятельность, но и изменит профиль. Нынешний его директор Александр Николаевич Шумский неоднократно интересовался в Госагропроме:

— Когда же мы получим обещанное хозяйство для проведения социально-экономического эксперимента?

— Какого эксперимента? — удивлялись там. — Ведь Княгинина нет.

— Но остались его идеи, остались мы, его единомышленники, осталось хорошо налаженное производство.

Ответа Шумский не получил, зато узнал через некоторое время, что на него поступили анонимные сигналы: что Шумский незаконно получил квартиру (а он живет у тещи), что построил гараж (а у него и машины нет, зачем гараж?), что за счет завода дачу тестю отгрохал роскошную (а дачу тесть строил, когда он с будущей женой, его дочерью, еще не был знаком)... Ничего не подтверждалось, но какой знакомый почерк. Хорошо, что у Шумского спокойный характер, к мелким этим подлостям он относится иронически, а вот эмоциональный Княгинин уже бы сорвался. На это, видимо, и расчет. Чей же? Рабочие завода волнуются, годы непрерывной тряски всевозможными проверками даром не прошли. И тут новая напасть: завод изготовил по предварительным заявкам несколько десятков машин, а заказчики (хозяйства Семипалатинской области) вдруг дружно, словно по чьей-то команде, отказались их выкупать. И сразу же слухок: продукция экспериментального никому, мол, не нужна, не находит спроса. Конечно, потребители в конце концов находятся в других областях и краях (что называется, с руками отрываю изделия завода), но какое-то время отсутствие реализации бьет по рабочим — задерживается зарплата (был момент, когда трудились три месяца без зарплаты и... не роптали), не начисляются премии, банк накладывает свои санкции и т. д. Кому-то это выгодно? Княгинин вернулся на завод, и теперь Шумский снова собирается задать в Госагропроме свой вопрос: когда же состоится эксперимент? Думаю, что ответ, который он получит, одновременно покажет, дошла ли туда и до Семипалатинска перестройка. Пока же увлеченно проводится на заводе — уже который месяц — следствие дела Княгинина. Заметят ли следователи, что Александр Александрович предложил технологию, а завод изготовил для нее все необходимое, которая поднимет производительность труда в овцеводстве в полтора десятка раз и прибавит в государственную казну многие миллиарды рублей? Шесть раз они этого не замечали.

СИНДРОМ АРАЛА

Спрыгнув прямо на дно моря с борта экспедиционного грузовика — нашего сухопутного ковчега, я пошел по песку, проламывая покрывавшую его сухую соляную корку, давя подошвами мелкие ракушки. Тотчас же надвинулась на меня сплошная стена сухой горячей пыли с привкусом соли, казалось, заменявшей здесь сам воздух. Сухой горячий ветер заставлял ее непрестанно двигаться, обжигал ноздри, слезил глаза. Стало трудно дышать, захотелось пить, но я знал, что на многие десятки километров окрест воды не найти. Я шел по высохшему дну бывшего Аральского моря в тщетной надежде обнаружить хотя бы след чего-то живого, хотя бы звук живой услышать.

Но мертвые соленые пески не могли дать ни жизни растениям, ни приюта птице или зверю. Своим мрачным безмолвием они свидетельствовали о всемогуществе человека. Еще бы: 35 миллионов лет жил Арал, а люди умертвили его за каких-то неполных тридцать лет и близки к тому, чтобы вообще стереть и остатки моря с лика земли. Что и говорить, мы не ждали милостей от природы, но ответную ее жестокость теперь воспринимаем почему-то как незаслуженную кару, а вместо ковчега путешествуем по морю на грузовике...

Я смотрел, как приехавшие на нем мэнээсы и кандидаты наук из лаборатории Араловедения, базирующейся в Нукусе, брали с разной глубиной пробы грунта, вгрызаясь в его толщу ручным буром, измеряли уровень грунтовых вод и насыщенность их солями, обрабатывали пески растворами полимеров, образующими на их поверхности пленку, предотвращающую образование подвижных барханов, как убеждали в неспособности выжить в этих условиях самых соле- и засухоустойчивых растений, высаженных в предыдущий приезд... «Чем помогут их изыскания погибавшему морю?» — с сомнением подумал я, а вслух спросил:

— Неужели Арал обречен?

— Представь себе, — ответил вроде бы не попад кандидат биологических наук Сапарбай Кабулов, — что на этом самом месте, где мы сейчас стоим, плескалась тринадцатиметровая толща воды...

Боже правый, как это представить? Кабулов предлагал мне невозможное. Вот когда больно резануло по сердцу...

* * *

Воды было хоть залейся. Свистел в снастях влажный морской ветер, срывал с волн гребешки, реяли над рыбацкими лодками аральские чайки. Море удивляло: глянешь в глубину — прозрачно, посмотришь вдаль — синее неба. Конечно, любой физик быстро разобрал бы по косточкам этот феномен, но я не хотел объяснений, они убили бы тайну... Таким я увидел Аральское море... на картине, висевшей в холле гостиницы города Муйнака. Подойдя поближе, обнаружил подпись художника и дату: Петросян, 1977 год. Картина как картина — масло, холст, метр на полтора размером. Но она знаменита тем, что маринист Петросян один из последних писал с натуры ЖИВОЕ море. Через год после ее создания из него выловят последнюю рыбу, за год до этого перекроют Сырдарью глухой плотиной, а немного позже и Амударью. Впадать в море они будут только на карте: бумажные реки в бумажное море, тогда как настоящее начнет стремительно уменьшаться в объеме. Предполагал ли такое художник?

Они вызывали жалость, как вызывает жалость чья-то неприятная старость. Брошенные на произвол судьбы, забытые людьми, давшими им когда-то жизнь, они умирали здесь медленной некрасивой смертью. Лишенные родной, привычной стихии, они казались в этих бесплодных песках случайными пришельцами иного мира. Но они еще помнили морские сны, помнили, что раскаленный песок, в который они с каждым годом погружались все глубже, еще не так давно был прохладным дном моря. Они — эти рыбацкие сейнеры, буксиры и другие суда, бороздившие некогда волные воды Арала, — помнили, как море предало их, уйдя от привычных берегов... Я тронул ладонью проржавевший борт корабля с еще различимой на борту надписью «Советская Каракалпакия», и мне показалось, что корпус судна дрогнул. Но нет, попавшие на кладбище не оживают. Ветер, свивая соленую пыль в столбы, гнал из пустыни к мертвым кораблям своих гонцов — смерчи. Они раскачивали корабельную цепь, издававшую глухие похоронные стоны.

Поднявшись на палубу, я сверху окинул взором все кладбище кораблей (десятка два их было), а за ним поодаль еще одно. (Потом, облетая море на самолете, я видел брошенные корабли повсеместно — прямо на морском берегу, в высохших бухтах Аральска, Бугуни, Каратерени...) Все вокруг было печально и неприютно, если бы не оживлявший горизонт мираж в виде огромного белокаменного здания.

— Это не мираж, — сказал секретарь Муйнакского райкома партии Жумабай Батыров, — сейчас подъедем, увидите.

Мы ехали сначала по асфальту, и чем дальше, тем больше становилось по сторонам барханов, которые в конце концов погребли под собой дорогу. Последние сотни метров наш вездеход пробивался прямо по пескам.

— Море плескалось когда-то почти у самой дороги, — рассказывал Батыров, — прохладное, чистое, рыбное. Вдоль побережья были пионерские лагеря, зоны отдыха. Сейчас, видите, и следа не осталось, кроме вот этого...

Приехали. Высокие ворота с традиционным запрещающим знаком «кирпичом», высокая металлическая ограда, за которой белокаменный двухэтажный особняк (номера «люкс», газ, канализация, ванны, мрамор полов, бильярд, кинозал), домик для сторожа и охраны, гаражи, котельная, летняя эстрада, водопровод, высохшие русла арыков с высохшими растениями по берегам. И ни души. И никто никогда за многие годы в особняке не жил... Все это создавалось по личному указанию и под контролем Ш. Рашидова. Тут должны были отдыхать его друзья, приближенные, его покровитель и он сам. Тут задумывались проекты плавающих юрт на специальных плотках-помостах, чтобы дорогим гостям не докучала жара, чтобы непосредственно из вод морских доставлялся туда знаменитый, тающий во рту аральский усац, шип или сазан... Уже дельта Амударьи превратилась в жалкий ручеек, уже обсыхали по берегам уходящего моря корабли, уже рыбаки Муйнака меняли профессию и разъ-

езжались кто куда, потому что нечего стало ловить в пересоленном море, но катился по Узбекистану дутый хлопковый вал и шла полным ходом престижная стройка на Аральском побережье. Когда же она завершилась, то оказалось, что особняк стоит в пустыне, что миллионы потраченных рублей ушли на миражи.

— Что теперь с ним делать, никто не знает,— говорил секретарь райкома,— ни одна организация на баланс его не берет.

Ах, белые гостевые юрты на синей аральской волне... Они тоже, как и несуществующий хлопок, оказались припиской Рашидова. Трагичнее всего то, что в уплату за приписки пошло море.

* * *

Воды было хоть залейся. С вершины большого бархана я смотрел на квадраты рисовых чеков, уходивших к линии горизонта. Словно бесчисленные зеркала, они блестели под солнцем, отражая небо и гася сочившийся из него зной. Там, в чеках, прорастали стебли риса, и я знал, что для хорошего роста ему нужна только проточная вода. И она текла, текла... Я видел, как заливают рисовые чеки здесь, в Каракалпакии, а еще раньше в Чардаре на юге Казахстана и в Кызыл-Ординской области видел... Я неоднократно наблюдал и обильные поливы «белого золота» — хлопка, ставшего причиной «белой смерти» миллионов гектаров земли, — ее повторного засоления и вывода из оборота. Это случалось и в Туркмении, и в Узбекистане, и в Чимкентской области, и здесь, в Каракалпакии.

С уверенностью могу сказать: нигде и никогда нормы полива не соблюдались, везде и всегда они превышались (иногда в три, четыре раза, и это при средней норме в 10 тысяч (?) кубометров воды на гектар). Разумеется, подобное браконьерство всегда объяснялось благородными побуждениями — борьбой за повышение урожайности хлопка и риса, так необходимых народу, стране. Да, необходимых, но не любой же ценой! Браконьерствуют еще и потому, главным образом потому, что вода никому ничего не стоит. У нее нет цены. Зачем же ее считать, зачем соблюдать какие-то нормы? Вот и льют... Порядка не будет, пока мы не установим цену на воду. А то ведь повсюду жалуются на ее нехватку, просят еще увеличить нормы. Но при этом все каналы, большие магистральные и более мелкие внутрихозяйственные бегут в земляных, вернее, песчаных, руслах; огромные массы воды фильтруются через пески, вызывая подъем грунтовых вод, а с ними и солей, образуя в пустыне болота, подтапливая города.

Знаменитый Каракумский канал, протянувшийся почти на 1300 километров, буквально окружил Ашхабад болотами. Для спасения города пришлось пробурить полтора десятка скважин, чтобы насосами откачивать ненужную воду. Это в пустыне-то! В Средней Азии еще в древние времена существовала поговорка, дошедшая до наших дней: «В пустыне ро-

дит не земля, а вода». Увы, теперь возникла другая: «В пустыне губит не песок, а вода». В орошаемой, конечно, пустыне. В Тедженском оазисе из семидесяти тысяч гектаров орошаемых земель засолены почти пятьдесят тысяч; на Хаузханском целинном массиве заболочена, выведена из строя половина земель из ста тысяч гектаров, похожая ситуация угрожает Кызыл-Ординской и Чимкентской областям Казахстана. На одном только участке Каракумского канала от водозабора на Амударье до Мургаба потери воды на фильтрацию и испарение составляют до 60 кубометров в секунду (всего же, подсчитано, на всем его протяжении безвозвратно уходит в песок около десяти кубокилометров воды, что почти равно всему притоку в море Сырдарьи или трети Амударьи в 1961-м, еще сравнительно благополучном году). То есть целая река теряется. Земля Каракалпакии с самолетной высоты стала местами походить на Карелию, но то не благодатные озера, а те же болота... Как не хватает этой воды теряющему силу Аралу!

Стоя на вершине бархана, я смотрел на рисовые чеки и слушал Анатолия Лигая, старожилу здешних мест. Ему шестьдесят, в Каракалпакии он родился и вырос, обошел пешком все Приаралье в качестве проводника научных экспедиций, избородил на лодке обширную дельту Аму и морские заливы, охотился и рыбачил, лес выращивал в лесопитомнике. Когда же не стало ни зверя, ни рыбы, он встал на защиту Арала. В одиночку. Писал в Верховный Совет республики, в обком партии, в ЦК о плохом состоянии каналов, о заболачивании пустыни, о несовершенных севооборотах, о дедовских методах полива с помощью кетменя и арыков и, как следствие, о неоправданных потерях воды, о трагедии усыхающего моря и собственных проектах его спасения. Везде от него отмахивались. Тогда он с помощью сыновей изготовил из старых, списанных, брошенных в металлолом сельскохозяйственных машин, тракторов, ирригационной техники целый парк механизмов: широкозахватный бульдозер... на базе комбайна, сеялку-каналокопатель для бахчевых культур, машину для прочистки каналов, универсальный трактор, способный работать как насос, наждак, компрессор, сварочный аппарат, электростанция и экскаватор... И взялся он самостоятельно, никому не доложившись, за очистку каналов, за отвод грунтовых вод в дренажные коллекторы, а потом задумал сделать из брошенных барж плотину-лоток, чтобы с ее помощью увлажнить часть пустыни, выращивать там камыш на корм скоту и рыбу для людей. Его едва не отдали под суд за самоуправство. Тогда Лигай обратился в сельхозотдел обкома партии за помощью. Попросил в аренду кусок высохшего морского дна, обещая вернуть его к жизни.

— Ты где живешь, в Америке, что ли? — возмутился заведующий. Напугал Лигай чиновников, напугал. Впрочем, это было еще до того, как страну взбудоражило крепкое слово «перестройка». Сейчас его сыновья на арендном подряде выращивают для совхоза овощи, он им помогает, но боль за Арал не отпускает его. На старенькой своей машине он по

собственному почину объездил самые крупные рисосеющие районы Каракалпакии — Караузякский и Тахтакупырский, вдоль всех каналов проехал, у всех приемников сбросной воды побывал и поразился. В каждом хозяйстве оказались не обозначенные на картах рукотворные озера, сбросные коллекторы зарастали камышом, а вода просто уходила в пески. Все это он нанес на самодельную карту, а когда подсчитал общую площадь бесполезного водного зеркала, то ахнул — она оказалась почти равной площади Арала.

— Можно ли спасти море при таком уровне хозяйствования? — резонно спрашивал он.

* * *

Впервые мощные соле-пылевые выносы с высыхающего дна Арала зарегистрировала в 1975 году из космоса орбитальная станция «Салют-4». Они обрушивались на орошаемую зону Каракалпакии, достигали Хорезма и Ташаузской области, в зависимости от силы ветра уносились на полтысячи и более километров. Ученые подсчитали, что лишь один такой вынос способен перенести полтора миллиона тонн соленой пыли, а ежегодно до 75 миллионов тонн (по новейшим данным, до 100 млн.). Это означает, что возникла реальная угроза самому существованию плодородных оазисов, а с дальнейшим усыханием моря она возрастет многократно. Это означает, что вместо моря мы получим новую пустыню Аралкумы (тогда она сольется с существующими Каракумами и Кызылкумами и станет соперничать с Сахарой), а нас все время пичкали сладенькой сказочкой, как осушенное дно Арала тоже превратится в цветущие хлопковые и рисовые плантации. Каким образом, если для существующих оазисов не хватает поливной воды? Значит, заведомо врал? Надеялись искупить вранье переброской северных рек? Не стану называть фамилию академика, придумавшего сказку, его точка зрения теперь иная. Уверен: если бы всенародно обсуждался проект полного истребления Амударьи и Сырдарьи на полив (жертвуя Аральским морем), вряд ли народы Средней Азии и Казахстана допустили бы его осуществление в нынешнем варианте. Но проект не обсуждался. Он рекламировался, причем рекламировался односторонне, в розовом свете...

— По сути дела, — рассуждал на дне моря кандидат биологических наук Сапарбай Кабулов, — поставлен широкомасштабный эксперимент на выживаемость человека и природы в условиях своеобразной химической экспансии...

Вспомним, как это начиналось. При экстенсивном освоении огромных территорий спешно пускались в оборот и сильно засоленные земли (но ПЛАН, ПЛАН, ПЛАН), от которых заведомо нельзя было ждать высоких урожаев. Но хотелось, а потому во всеуслышание и обещалось. Как же выполнить обещанное? Пытались подхлестнуть урожайность колоссальным количеством минеральных удобрений (на гектар вносили до

600 килограммов, намного больше нормы), пятнадцатикратные превышения распыляемых ядохимикатов и дефолиантов тоже не считались излишней щедростью. К тому же севообороты не соблюдались, сеяли каждый год хлопок по хлопку. По этим причинам неуклонно ухудшались качество волокна и пищевые достоинства риса. Повсеместно увеличили (негласно) нормы полива, и реки перестали впадать в море. («Пусть Арал красиво умирает, он бесполезен», — сказал тогда один из руководителей Минводхоза). Нашлись «смелые» экспериментаторы, которые обосновали (вопреки здравому смыслу, науке и вековому опыту) возможность вторичного использования поливной воды, идущей обычно на сброс. И началось стремительное вторичное засоление земель (для их промывки требовались все новые порции свежей воды, какие уж тут нормы?), чему способствовали и солевые выбросы со дна высыхающего моря, — не получалось с красивым умиранием Арала.

Нашлись «гуманисты», разрешившие те же использованные поливные воды с высоким содержанием солей, гербицидов и ядохимикатов, в них растворенных, спускать не в дренажный коллектор, а непосредственно в реки (чтобы они были полноводнее — ведь воды-то братским народам в низовьях не хватает). Нашлись «экономисты», не желавшие тратить деньги (народные ведь, жалко) на очистку промышленных стоков, а сразу сбрасывать их туда же, в реки. В результате вода рек Амударьи, и особенно Сырдарьи, в нижнем их течении стала походить на некую суспензию, в которой самым безобидным компонентом оказалась соль.

Впрочем, так ли она безобидна, если ее в литре содержится до трех граммов, если состоит она из сульфатов и ядовитых для большинства растений хлоридов? А для людей? Чай в такой воде завариваться отказывается. «Гуманисты» как-то упустили из виду, что в Каракалпакии и Кызыл-Ординской области других источников питьевой воды, кроме рек, практически нет. Десятки тысяч людей вынуждены пить отравленную воду. Первый секретарь Кызыл-Ординского обкома партии Е. Ауельбеков говорил:

— Для жителей нашей области Министерство здравоохранения решило сделать отступление от ГОСТа, утвердив «Временные нормы до 1990 года», по которым нам разрешается употреблять воду Сырдарьи. Как будто у нас пищеварение и желудки другие...

Каракалпакам повезло меньше. У них нет и временного разрешения на употребление отравленной амударьинской воды, приходится пить так — все равно выхода нет. Однако болеют при этом кзылординцы не меньше, чем каракалпаки. Уровень почечно-печеночных заболеваний в Приаралье в несколько раз выше, чем в целом по стране. Есть пункты, где детская смертность достигает ста человек на тысячу родившихся. Это страшно. Проблема воды обернулась социальными драмами, «красивое» умирание Арала приводит к глобальным изменениям климата, отравление рек — к гибели людей, деградации земель.

— Безнравственно губить реки, безнравственно убивать море,— говорил ученый Кабулов,— безнравственно говорить о его бесполезности, да и как можно оценить живую природу? Спасая море, мы спасаем себя. Кто может оценить потерю Арала? Никто.

* * *

Ах, уважаемый ученый, дорогой Саке, как вы ошибаетесь! Есть ведь такой человек, который знает точную цену Аралу, есть: это министр водного хозяйства Н. Ф. Васильев. Несколько лет тому назад, на одной из встреч с коллективом Минводхоза я спросил его:

— Николай Федорович, вы прекрасно знаете, что Аральское море мелеет, что реки до него не доходят и вся их вода разбирается на орошение, что исчезла рыба и тысячи рыбаков остались без работы, что в заповеднике на острове Барса-Кельмес гибнут куланы и сайгаки (животные пили морскую воду, но потом из-за обмеления концентрация солей в ней многократно повысилась — до 23 граммов на литр. «Огонек» писал об этом еще в 1985 году.— Ю. Л.). Как вы оцениваете потерю Арала?

— Очень просто,— хладнокровно ответил министр,— подсчитано, что море стоило девяносто миллионов...

Признаюсь, меня оглушили доступность и простота оценки бесценного. Я плохо слышал дальнейшие пояснения насчет миллиардных прибылей, которые приносит поливное земледелие сегодня. А завтра? Мне-то хотелось узнать, что будет завтра, если уже сегодня оазисы заносит солью Арала... Впрочем, оказалось, что министр несколько продешевил. Вот сотрудники института «Союзгипроводхоз», кандидаты всяческих наук В. С. Панфилов, А. А. Желобаев, В. В. Мясников в прошлогодней полемике (относительно поворота северных рек) с писателем С. Залыгиным выложили на стол кругленькую сумму за Арал — сто миллионов. Щедрые ребята, ничего не скажешь. Правда, в той же статье («Новый мир», № 7, 1987) они чистосердечно признались, что сумма эта в общем-то плевая, поскольку не дошедшая до моря вода приносит прибылей раз в сто больше... Но кто ответит, как оценить несостоявшуюся жизнь хотя бы одного ребенка? А может быть, он был гением? Как оценить трагедию целого народа — каракалпаков, вставших перед дилеммой: либо приспособиться к тихой химической войне, либо покинуть родину?

* * *

Старик взял весла и вышел на улицу. День клонился к закату, жара спадала. «Куда вы, ата?» — спросила его внучка. «К морю», — ответил он и шагнул в песок. Она удивленно смотрела ему вслед. Давно уже море покинуло Бугунь, отошло на многие десятки километров. Давно уже вместо волн захлестывали бывший рыбацкий поселок песчаные барха-

ны, самый большой из которых поднимался выше двухэтажной школы, и каждый год приходилось бульдозерами сдвигать его в сторону, спасая школу. А сколько домов погребено под песками и здесь, и в Каратерени, и в других рыбацких поселках! Бывших рыбацких... Старый Кожабек Мендыбаев подошел к старой шхуне, лежавшей на боку, словно выброшенная волнами дохлая рыба. Сквозь ее оголенные ребра-шпанготы просвечивало небо и пыталась жить чахлая трава. «Прощай, старушка,— шепнул он,— все мы бывшие»,— и побрел прочь, в барханы. Теперь шагал Кожабек по самым рыбным некогда местам, самым когда-то любимым. Здесь он учился рыбацкому ремеслу, откуда девятнадцатилетним парнем в 1921 году вместе с другими рыбаками Арала отправлял в ответ на телеграмму Ленина аральскую рыбу голодающим Поволжья. «Много было рыбы, казалось, не выловить никогда,— подумал он,— а теперь только песок. За что ты покарал нас, аллах?» Он встал на колени и помолился на восток. Потом взял весло и начал им копать в рыхлом песке яму по длине второго весла. Копать было нетрудно. Сложив в яму оба весла, он руками нагреб на них песчаную горку. Похоронил...

Кончилась вера Кожобека Мендыбаева в то, что Арал вернется. Вчера услышал он от соседа, тоже бывшего рыбака, что его сын, экскаваторщик, перегородил русло Сырдарьи глухой плотиной. Если реки перестают впадать в море, то зачем аральскому рыбаку весла?

* * *

Синдром Арала — перерезанные вены рек. Синдром Арала — исчезающее море, вместо которого появляется рукотворная пустыня. И кладбища кораблей, и отравленные воды, и засыпанные песком дома, и безработные рыбаки — все это синдром Арала. Остров Муйнак в Каракалпакии давно стал материком. Железнодорожная станция под названием «Аральское море» в Казахстане оказалась далеко в пустыне, потому что Арал ушел от нее на сотню километров. Медики зарегистрировали в молоке каракалпакских и казахских матерей повышенную концентрацию соли. Это ли не синдром Арала? Еще продолжает работать в Аральске рыбоконсервный завод, но рыбу океаническую доставляют сюда с Дальнего Востока. На такой же завод в Муйнаке ее везут из Риги, Таллинна, Мурманска, Калининграда (сначала по железной дороге в Кунград, потом свыше ста километров на машинах). Иначе была бы в Приаралье повальная безработица. И это тоже синдром Арала. А ведь когда-то море давало 500 тысяч центнеров первоклассной рыбы (какой ни в одном океане нет), жизнь на его берегах бурлила. Теперь море мертво...

Впрочем, удалось мне увидеть все же настоящего аральского шипа (из семейства осетровых). Дюжая рыбачка с трудом удерживала в руках огромную рыбину. Только вот жаль, что сотворены были обе... из гипса, окаменели статуей у ворот Аральского рыбокомбината. Синдром Арала.

Знаю, прекрасно знаю, что могут сказать мне «гуманисты» из Минводхоза. Что в 1950 году в регионах Средней Азии и Южного Казахстана орошалось 2,9 миллиона гектаров земли, а сейчас 7,2 миллиона, что с них мы получаем сельскохозяйственной продукции более чем на 15 миллиардов рублей вместо прежних 3,8 млрд., что страна обрела хлопковую независимость... Да, 95 процентов всего хлопка и около 40 процентов всего риса страна получает отсюда. Но вот какой парадокс: 25 лет тому назад килограмм отборного риса стоил на рынке города Ходжейлы в Каракалпакии 70 копеек, теперь же — около двух рублей. Справедливости ради скажу, что полки магазинов ломятся от пакетов с рисом, но его почему-то мало кто берет. Не тот рис.

Так стоит ли производить негодную продукцию? Не лучше ли сократить часть посевов риса, требующего колоссальных расходов воды, а освободившиеся земли заняты менее влагоемкими культурами? Выращивать, например, корма, а на их основе развивать молочное и мясное животноводство (за все дни пребывания в Муйнаке я ни в одном магазине ни разу не видел в продаже ни мяса, ни молока, ни овощей. Как живут люди — загадка), а сезонноленную таким образом воду незамедлительно отправить в Арал...

Теперь о хлопковой независимости. В чем, собственно, ее суть? Может быть, в том, чтобы делать из хлопка больше масла, тканей, майонеза, денежной бумаги и т. п.? Или больше производить из него взрывчатых веществ? Кто бы мне это объяснил? Кто бы объяснил, почему нужно почти третью часть всего узбекского хлопка отправлять на экспорт (и не только в страны социалистического содружества, но и разным фирмам Франции, Японии, ФРГ, Италии...)? Так, может быть, для независимости нам достаточно остающихся двух третей? Вот и еще резерв для преодоления синдрома Арала. Ведь надо понять, что никакая валюта, вырученная за хлопок, не спасет Арал, надо понять, что его аналога в природе не существует, то есть нет ему цены...

Вот еще: коллекторно-дренажные воды почему-то сбрасываются не в море, а в Сарыкамышскую, Арнасайскую, Айдарскую и другие впадины в пустыне. В них накопилось уже более ста (!) кубикилометров воды. Одни лишь Арнасайские разливы протянулись на 200 километров при тридцатикилометровой ширине. Подай эти запасы в Арал, и они остановят его деградацию, стабилизируют уровень. Похоже, что деятели Минводхоза и «Союзгипроводхоза» тоже поняли наконец, что полная потеря Арала способна погубить и хлопок, и рис, и оазисы. Но поняли своеобразно. Создают, например, проекты отчленения небольших частей Арала (для развития рыбоводства и рыболовства) с помощью морских дамб (опять миллиардные затраты, но в «цену» Арала их, конечно,

не включают) как со стороны Каракалпакии, так и со стороны Аральска. Опять втихую, опять без широкого общественного обсуждения. Знают ли об этих сомнительных проектах «Комитеты по спасению Арала» в Узбекистане и Казахстане?

Упорно и целенаправленно (несмотря на возражения государственной экспертной комиссии) прокладывается по территории Хорезмской области и Туркмении новый Ташаузский канал, берущий начало у Туюмунжского водохранилища. Длина его — почти 200 километров, причем 145 из них, так называемая холостая часть, пройдет по глухим пескам, где нет ни населения, ни окультуренной земли. И вновь канал в песчаном русле, обещающем половинные потери воды на фильтрацию, гарантию пустынных болот и... реальную угрозу подтопления города-музея Хивы (согласно технической документации сильное влияние канала на уровень грунтовых вод ощутится в тридцатикилометровой зоне, а до Хивы всего 12 километров). Просто диву даешься, до чего упорные и щедрые за государственный счет.

А море между тем ждет помощи.

* * *

Летим над Аралом. Летим низко, и летчики показывают плоские песчаные острова, которых раньше не было. Обмелело море. Сквозь прозрачные его воды отчетливо просматривается дно, исчерченное странными параллельными полосами, уходящими к берегу. Может быть, то следы волочившихся рыбацких сетей? Не знаю. Смотрю вдаль, берегов не видно, синева неба плавно переходит в синеву моря, и вспыхивает в душе неясная детская надежда: море большое, как оно может совсем исчезнуть? Всматриваюсь в глубины Арала — не блеснет ли чешуей рыба. Нет, ничего живого не видно, кроме водорослей: ни чаек над волнами, ни уток. Пусто в водах, пусто над водами. Отчего же поет, не умолкает струна надежды?

Я знаю, отчего. Прошлой осенью раскрылись наконец глухие плотины на Сырдарье и Амударье, реки снова стали втекать в море. Сила их, конечно, не та, но все же Амударья отдала Аралу десять кубокилометров воды, а в нынешнем году предполагается сбросить больше. Уровень воды в некоторых заливах поднялся сразу на полметра, а в дельте Сырдарьи бригада рыбаков впервые за 12 лет вышла на лов. Представьте, были уловы, пусть скромные, но были. Попалась даже азовская камбала, выпущенная для акклиматизации в Арал много лет тому назад в районе острова Барса-Кельмес. Понятно, что это первая ласточка, которая, говорят, погоды не делает. Будем об этом помнить. Но не забудем и другое. Мы не ждали милостей от природы и знаем, к чему это привело. Теперь природа ждет милостей от нас. Так будем же милосердны, вернем жизнь Аралу.

КТО ХОЗЯИН ДЕЛЬТЫ?

Солнце исчезло как-то вдруг. Вот только что было и уже нет его. А с неба посыпался пепел, настоящий черный дождь из пепла. Поэтому и темно стало ясным днем, догадался я. Лодка егерь со всей возможной скоростью приближалась к берегу, уже обьётому пламенем. Там страшно гудели, трещали, разбрасывали искры, чадили и вновь вздымались на двадцатиметровую высоту огненные факелы. Горел высохший камыш, горели зеленые деревья, горели гнездовья птиц — все живое горело. А мне казалось, что горит вся дельта Или, горит сама вода, хотя только она одна и преграждала сейчас путь огненному валу.

— Теперь будет полыхать, пока само не погаснет, — глухо сказал Михаил Иванович Жинкин, старший егерь Прибалхашского государственного заказника, и отвернулся.

Из пламени взвивались свечками и обрывались вниз, в пекло, фазаны. Они улетали от огня по ветру, быстро уставали, огненный вал неизбежно догонял и накрывал их. Кабаны и косули искали спасения в тугах, тоже не понимая, что бежать надо в сторону, а не по ветру. Счастье, если на их пути встречалась протока. Тогда они переплывали ее и спасались, в противном случае сгорали заживо... Горели утиные кладки яиц (как раз наступила пора гнездования). Колония пеликанов поднялась высоко в воздух, описывая тревожные круги близ пожарища.

Мы были уже почти под самым берегом. Жар огня становился нестерпимым. На моих глазах сгорало гнездо орла. Я смотрел на него с таким чувством, будто мой собственный дом горит, а я не в силах ничем помочь. Там, где прошел огонь, дымились страшные черные остовы мертвых деревьев. Наверное, птичьих гнезд на них были сотни. И тут меня поразила вдруг жуткая тишина: ни одной птичьей трели, лишь треск всепожирающего пламени...

— Надо уходить, — сказал Жинкин, — если ветер повернет на нас, можем задохнуться.

— В воду прыгнем, — наивно предложил я.

— Не успеем. К тому же надо попытаться задержать поджигателя. Последние слова он произнес, впрочем, без энтузиазма, и только потом я понял, почему... Оставив лодку в не приметной протоке, мы высадились на берег и пошли прямо по барханам, через тугаи, вброд по болотинам, заходя в тыл пожару. Мы шли по прошлогодней гари, мертвой и пустынной, и Жинкин объяснял: «Видишь, до сих пор ничего не выросло, хотя поджигают вроде бы с благими намерениями — чтобы лучше росла свежая трава, чтобы пасущийся скот был виден издалека...»

— Кто поджигает?

— Известно кто — чабаны. Посторонних в заказнике почти не бывает, а чабаны знают все потаенные места дельты не хуже егерьей. Браконьерят кто как может, стреляют все живое — и птицу, и зверя. Мы соста-

вляем акты, отбираем ружья, которыми они тут же обзаводятся снова как будто бы для защиты скота от волков. Но за последние годы ни один волк чабанами не убит... И вот пожары. Сухой камыш сейчас словно порох. Чиркнул спичкой, сел на коня и был таков. Ищи ветра в поле... Жечь камыш в период гнездования птиц строжайше запрещено, об этом знают все: и чабаны, и руководители хозяйств, находящихся в дельте. Но, как видите, жгут. И главное, знаешь, чаще всего догадываешься, кто виноват, но как докажешь? Как говоришь, не пойман — не вор. А бывало, что и пойман, да не наказан. Еще как бывало...

Тронул егеря Жинкин больную струну своей души, разбередил ее, расстроился. Да и как не расстроиться! Однажды задержал на месте преступления, взял с поличным чабана-поджигателя из совхоза «Жиделинский». Пожар предотвратить не удалось, сгорели десятки гектаров дельты и на них все живое. А на другой день директор «Жиделинского» послал в Управление заповедников бумагу, в которой от имени рабочих совхоза просил простить того чабана, потому что тот якобы случайно обронил окурочку, отчего и загорелось. Справедливый иск, и не только этот, остался без удовлетворения. Может быть, поэтому продолжают полыхать рукотворные пожары в дельте? Безнаказанность развращает.

— А если бы этот иск или часть его относили на счет руководителя хозяйства? — спросил я.

— Уверен, что порядка было бы больше. Дело как раз в том, что руководители хозяйств смотрят на самочинные, противозаконные действия своих подчиненных сквозь пальцы, а на деле получается — поощряют их.

Мы сидели в засаде второй час. Пекло солнце, жалили москиты — мы терпели. Все так же на горизонте вставали черные дымы, и даже отсюда, за несколько километров, были видны временами языки пламени. Все так же над дымами парили пеликаны. Иногда со стороны пожара проносились по кабаньей тропе то ее хозяйева, то зайчишка. Эти вырвались все-таки из огненного плена, но сколько их осталось там?

— Все, хватит, — сказал Жинкин, вставая, — ждать бесполезно. Но я вам покажу поджигателя, а он ответит на расспросы, что ничего не знает.

Так все и случилось. Чабан, к которому мы подъехали и на участке которого горела дельта, ничего не знал, ничего не слышал, ничего не видел. На соседней чабанской стоянке — та же история.

— Почему не тушите? — спросил я.

— Как потушишь? Сильный пожар, сам погаснет.

— Хорошо будет расти после этого трава?

— Жаксы (хорошо), — оживился чабан.

В сущности, позиция чабанов легко объяснима. Она — лишь отражение того антагонизма, который порождает хозяйственная деятельность человека в заказнике, разрешенная, кстати, «в ограниченном» масштабе. Но ограничения мигом забываются, как только получено разрешение.

Совхозы в дельте специализируются на разведении крупного рогатого скота, общее количество которого достигает многих десятков тысяч голов (не считая того, что находится в личной собственности). Разумеется, планы мясопоставок с годами не снижаются. Чабаны их выполняют, честь им за это и хвала, но почему при этом должна уничтожаться живая природа? Почему каждую весну полыхают в разных концах дельты рукотворные пожары — один из жесточайших видов браконьерства? Почему несущие жизнь протоки самостийно перегораживаются там и тут бугтами-плотинами? Цель, объясняют хозяйственники, тоже благая — осушить участок дельты, чтобы пасти на нем скот. Им дела нет до того, что при этом лишаются жизненного пространства и птицы, и рыба, и ондатра. Без воды в этих местах жизни нет. Я видел целые участки, начисто вытопанные скотом, пустые, бесплодные. Я видел высохшие русла проток и хилые болота на месте бывших озер. Не так давно там все цвело, наполнилось птичьим гамом. Разве это тоже не браконьерство? Сколько времени понадобится природе, чтобы восстановить свою былую мощь? Да и хватит ли теперь сил?

— А сколько егерей охраняют дельту в Прибалхашском заказнике?

— У нас восемь егерских кордонов и полмиллиона гектаров тугаев, проток, озер, камышовых и тростниковых зарослей. На правой стороне дельты еще один заказник — Каройский, занимающий такую же территорию. Там тоже восемь егерей. Вот и вся защита.

— Я слышал, что ондатры в дельте стало очень мало.

— Да, это так. Несколько лет назад здесь добывалось свыше миллиона шкурок, теперь — всего около сорока тысяч. Тут и браконьерство виновато, но главная причина исчезновения ондатры — резкое, катастрофическое обмеление дельты Или. За последние годы уровень реки упал на два метра... От бывлой могучей, цветущей и богатой дельты осталась сейчас лишь треть. Если обмеление будет продолжаться такими же темпами, то к концу века дельту попросту придется вычеркнуть из географических карт. Вы не поверите, но на некоторых наших кордонах сейчас возникла проблема питьевой воды. Один из рукавов Или — Топар давно не доходит до Балхаша, иссыкает и теряется в песках. Другой рукав — Жидели почти лишен воды... И при этом, вот парадокс, на Или случаются наводнения, причем рукотворные — по воле людей. Я имею в виду так называемые попуски воды из Капчагайского водохранилища, которые устраивает Министерство мелиорации и водного хозяйства республики без всякого учета законов природы. Эти попуски наносят такой вред, какого при всем старании не смогли бы нанести сотни браконьеров. А цель вроде бы опять благая — улучшить мелиорацию рисовых и других полей...

Я услышал эту историю на берегу протоки Калган — Или из уст егеря Жинкина. Вечерело. В воздухе разносился запах цветущего шингилья (нет лучше меда, чем с его цветов). В зарослях коротко и пронзительно вскрикивали фазаны. На перекате играла рыба. Возвращались на ночлег

с дневной кормежки дикие утки. Тугаи наполнились таинственными шорохами, где-то вдали тосковала кукушка. Из всего этого складывалось то, что мы, городские жители, зовем тишиной. Артель соловьев подрядилась сопровождать этой тишине. Колдовство их упругих трелей и затейливых коленцев расколдуют теперь лишь лучи завтрашнего солнца. Душу пронизывала благодать, я боялся ее спугнуть, боялся мысли о том, что все виденное мною может остаться лишь воспоминанием, как стало воспоминанием очень многое — вольные разливы Или, заливные луга, непуганые звери в тугаях и их властелин илийский тигр (живут еще люди, которые помнят встречи с тигром). Нет, нет, этого допустить никак нельзя. Михаил Иванович говорил, в сущности, о том же.

— Однажды весной начался резкий подъем воды — попуски с Капчагайской ГЭС устраиваются не только зимой, но, как нарочно, еще и весной, в период икромета рыбы и гнездования птиц. Наши домашние утки устроили гнездо прямо на берегу протоки и начали насиживать яйца. Я им не мешал. Только смотрю, вода уже к самому гнезду подобралась. Поднял гнездо на подставку, но через некоторое время и подставку стало заливать. Поднял еще выше, на табурет. Утка сидит на табурете, как на островке, яйца насиживает. Просто цирк. Уровень воды вроде бы стабилизировался, и я поехал в низовья посмотреть, что там творится. Но подъем все-таки продолжался, и, когда я вернулся, и табурет, и гнездо — все было смыто... Хотите знать, что происходило в это время в дельте? Легко представить. Затапливались сотни фазаньих и утиных гнезд, гибли их кладки. Хотите знать, что происходило на побережье Капчагайского водохранилища? Тоже легко представить. Там обнажались мелководья, на которых рыба успела выметать икру. Икра высохла и погибла. Говорят, что турбины ГЭС вращаются при этом быстрее и дают больше энергии. Другие утверждают, что попуски полезны для рисовых полей. Что же тогда остается природе? И кто же наконец хозяин дельты?

Душа егеря Жинкина стремилась к прекрасному, поэтому стены комнат кордона он оклеил репродукциями с картин Леонардо, Левитана, Боттичелли. Душа его стремилась к прекрасному, поэтому, расчистив у дома участок тугаев, егерь прямо в песках разбил настоящий сад: персиковые деревья, черешни, яблони, кусты смородины, клубника. Душа его стремилась к прекрасному, поэтому он всегда был нетерпим к проявлениям любого браконьерства (иногда даже рискуя жизнью — в него и стреляли, случалось, и пытались заморозить в кузове браконьерского грузовика, заваленного незаконно добытыми сайгаками, и утопить хотели), поэтому он задавал вопросы, словно занозы под сердце загонял. Он не хотел, чтобы дельту стерли с географических карт, чтобы она осталась лишь воспоминанием.

— Кто же хозяин дельты? — снова недоумевал он. А действительно — кто? Вроде бы великое множество людей, организаций, научных учреждений пекутся о судьбе дельты. Тем не менее полыхают рукотвор-

ные пожары в дельте. Тем не менее происходят не согласованные с природными законами попуски воды, наводнения, наносящие непоправимый урон. Тем не менее гибнет рыба от неочищенных, загрязненных ядохимикатами и удобрениями стоков с рисовых чеков. А самое удивительное, самое печальное заключается в том, что никто, подчеркиваю — НИКТО ПЕРСОНАЛЬНО не несет ответственности за все это. Поэтому я не могу ответить на вопрос егеря Михаила Жинкина: кто же хозяин дельты?

Когда-то, очень давно, человек зависел от природы. Времена изменились. Теперь природа зависит от человека. Мне кажется, мы часто не то что забываем об этой истине, но относимся к ней как-то легкомысленно. Плата за такое легкомыслие слишком тяжела. Вот перекрыли знаменитый Кара-Богаз глухой плотиной для того якобы, чтобы повысить уровень Каспия. Природа немедленно отреагировала на грубое вмешательство в ее дела. Кара-Богаз стал интенсивно усыхать, качество сырья там значительно ухудшилось, начались соленые бури, приводящие земли далеко окрест в негодность. Плотины пришлось открыть, но сколько теперь пройдет времени, чтобы восстановилось здоровье уникального залива — этой уникальной природной химической лаборатории, никто не знает, никто сказать не может. И что-то не слышно сейчас голосов оптимистов, проектировавших ту плотину. Где они? А самое неожиданное заключается в том, что после открытия плотины уровень Каспия начал повышаться, т. е. оказалось, что Кара-Богаз на изменения уровня моря никакого влияния не оказывает... Вот перекрыли плотину реку Или, а проектный уровень водохранилища за два десятилетия так и не достигнут, и теперь уже ясно, что достигнуть не может. С одной стороны, турбины ГЭС работают не в полную мощность, с другой — плотина отрицательно повлияла на состояние дельты Или, сыграла роковую роль в обмелении Балхаша, и теперь уже ставится вопрос: как спасти это озеро?

А может быть, вообще признать ошибкой сооружение ГЭС на Или и открыть плотину, открыть вольной воде путь к Балхашу? Вот тогда, безусловно, Балхаш был бы спасен...

Среди этих экономических и иных рассуждений занимает свое законное место и кордон егеря Жинкина. Вот я вижу его с вертолетной высоты. Стоит кордон на большом острове, протянувшемся на полторы сотни километров между Калган-Или и самой мощной протокой Когалы. Плонулся остров в устье Или огромным китом, в самую середину дельты улегся. Три совхоза уместились на китовой спине с фермами, животными, птицами, людьми, домами. Все почти как в сказке. Киты и китята поменьше уместились рядом, их бока омывают протоки, тысячи озер блестят под солнцем, и так до самого Балхаша. И подумалось мне: почему бы этот остров или другую часть заказника в дельте не превратить в заповедник со строгим режимом? Тогда прекратились бы здесь рукотворные пожары, тогда воспрянула бы духом природа, тогда дикие звери и птицы обрели бы свой настоящий дом, тогда, вероятно, появилась бы возможность вернуть в тугай тигра. Не будем забывать, что природа теперь зависит от воли и здравого смысла человека...

СОДЕРЖАНИЕ

Голубая планета Данилова	3
Неудобный	15
Синдром Арала	32
Кто хозяин дельты?	43

ЛУШИН Юрий Васильевич

НЕУДОБНЫЙ

Редактор А. Г. Панченко

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 27.01.89. Подписано к печати 24.03.89. А 00418. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,05. Тираж 150 000 экз. Зак. № 150. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типография имени В. И. Лени-
на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ЕСЛИ СЛУЧИЛАСЬ АВАРИЯ...

страдает не только автомобиль. К сожалению, аварии, стихийные бедствия, действия злоумышленников могут привести к причинению вреда здоровью водителя и страхователя, а также к повреждению предметов багажа.

● Возмещение ущерба, который может возникнуть при эксплуатации транспортных средств, гарантирует госстрах, если Вы заключите договор комбинированного страхования автомобиля, водителя и багажа («авто-комби»). Водитель автомобиля и страхователь считаются застрахованными на 1000 рублей каждый. Возмещается также ущерб, связанный с похищением автомобиля или его отдельных частей, деталей, принадлежностей и предметов багажа.

● Платежи по договору «авто-комби» исчисляются по тарифу — 1 или 2 процента от действительной стоимости автомобиля.

● Более подробную информацию можно получить в инспекции госстраха или у Вашего страхового агента.

● «Авто-комби» — надежный способ возмещения материального ущерба при наступлении неблагоприятных событий.

**Правление государственного
страхования СССР**